

В л . Ш Е В Ч Е Н К О

**СОКРОВИЩА
ИСЧЕЗНУВШИХ ГОРОДОВ**

*ЗАПИСКИ
МУЗЕЙНОГО РАБОТНИКА*

Под редакцией
доктора исторических наук профессора
В. К. НИКОЛЬСКОГО

**ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ И КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

1948

**Вл. ШЕВЧЕНКО. СОКРОВИЩА ИСЧЕЗНУВШИХ
ГОРОДОВ**

(Записки музейного работника)

В своих записках автор рассказывает о большой творческой работе советских археологов, воскрешающей далекое прошлое человечества, культуру и быт древних народов, населявших юг нашей родины, о самоотверженности и героизме советских ученых, проявленных ими в дни Великой Отечественной войны для спасения исторических ценностей от фашистско-немецких варваров.

Отзывы о книге просим присылать по адресу:
Ленинград, Торговый пер., 3, Лениздат.

ВВЕДЕНИЕ

ХРАНИТЕЛИ И ЗАЩИТНИКИ

Кто не знает Государственного Эрмитажа в Ленинграде — этого знаменитого музея истории мировой культуры? В нем собраны лучшие памятники искусства всех времен и народов: картины, статуи, художественная посуда и мебель, монеты, образцы национальных одежд, древние надгробные памятники. .. Он занимает огромное старинное здание на Дворцовой набережной и большую часть примыкающего к нему Зимнего дворца. Из окон Эрмитажа открывается вид на широкую, спокойную Неву, на уходящий в небо золотой шпиль Петропавловской крепости, на многоколонное здание Центрального Военно-Морского музея, увенчанное группой статуй морских божеств.

В Эрмитаже — несколько сот зал и более двух миллионов экспонатов. Тысячи посетителей проходят ежедневно по музею, наслаждаясь красками полотен великих художников, знакомясь с культурой и бытом России XVIII—XIX веков, Западной Европы, древних и давно исчезнувших народов нашей земли и зарубежных стран.

Пройдемся по залам нижнего этажа. Здесь школьники — члены кружка юных историков — делают зарисовки с больших, покрытых черным лаком, древнегреческих ваз, хранящихся за тускло поблескивающими стеклами витрин; студенты исторического и филологического факультетов университета и аспиранты Академии художеств занимаются с руководителями, изучая надписи и изображения на старинных стенных росписях, древних гробницах, монетах или плитах. За массивными дубовыми лакированными дверями, в тиши кабинетов и вспомогательных лабораторий Эрмитажа ученые промывают в воде или кислотах древние бусы и обломки мраморных плит, просвечивают рентгеновскими лучами старинные картины и древние истлевшие ткани, рассматривают в лупы детали крошечных статуэток...

Несколько зал нижнего этажа занимают скифские древности и древности причерноморских греческих поселений нашего Юга (это — наиболее полное в мире собрание памятников древней истории народов СССР). В надписях мелькают названия знакомых советских городов: Севастополь, Керчь, Краснодар, Ростов, Воронеж. В витринах — старинные деревянные гробы с накладными украшениями из бронзы, гипса или резной слоновой **кости**, чернолаковые сосуды с красными фигурками древних богов и героев, мраморные и известняковые надгробные плиты с изображениями и надписями, глиняные детские игрушки, воинский панцирь (броня из железных чешуек), конская упряжь (уздечки, седла), статуэтки богов... О далеком прошлом нашей страны, о древних народах — **наших** предках и их соседях — рассказывают эти вещи.

Разбойничье нападение **Фашистской** Германии на СССР прервало мирный труд советских людей. Перед сотрудниками огромного музея была поставлена задача немедленно отобрать всё самое ценное и вывезти в далекий тыл.

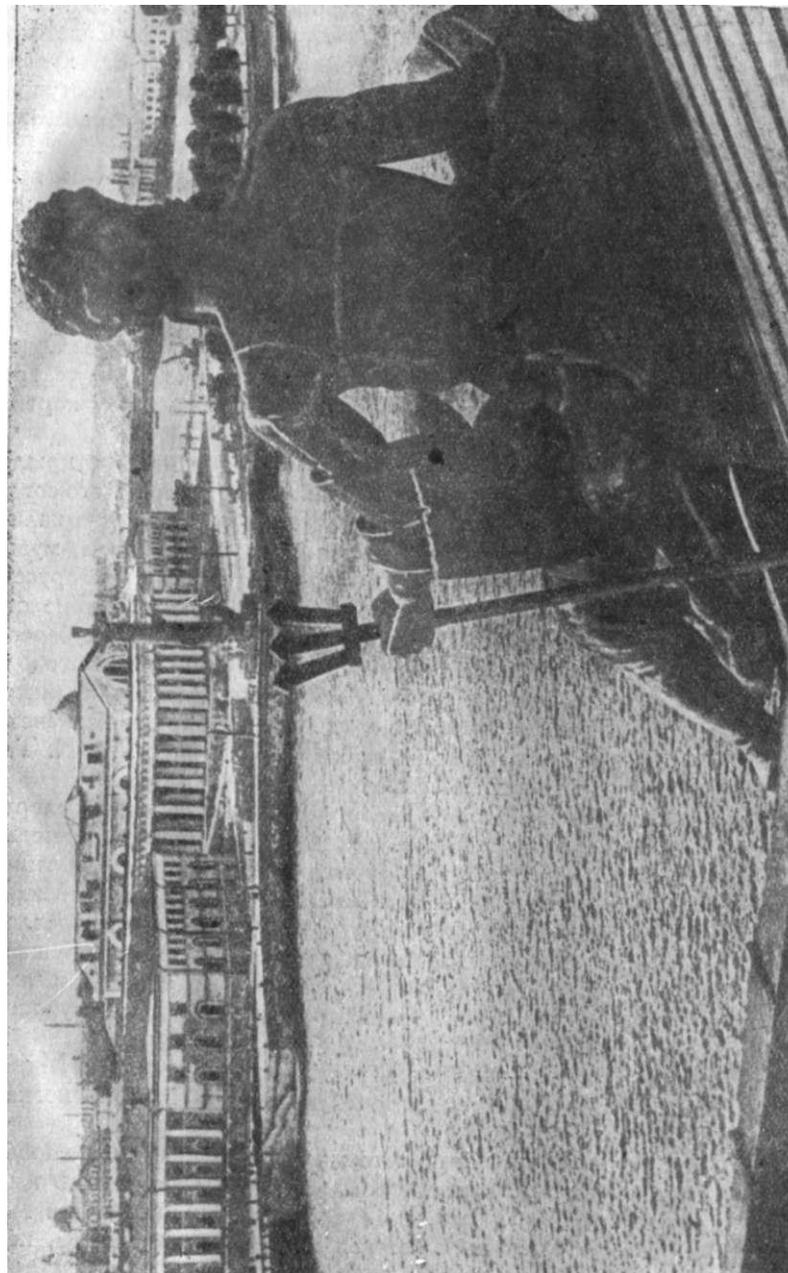
Профессора и научные сотрудники, аспиранты и простые рабочие — все без исключения работники Эрмитажа — принялись за дело. Отобрали один миллион сто восемнадцать тысяч экспонатов. Колоссальная цифра! Уже на второй день войны — 23 июня — музей наполнился стуком молотков и визгом пил, на полу появились доски, стружки; по залам на тележках везли к подъездам тяжелые ящики. Пустели одна за другой стены, витрины. К зданию подходили грузовики. И везде мелькала знакомая ленинградцам фигура высокого человека в мягкой, надвинутой на глаза фетровой шляпе, с пышной седой бородой — директора Эрмитажа академика Иосифа Абгаровича Орбели.

Вскоре был отправлен с вокзала первый эшелон с драгоценным грузом, за ним второй...

На далеком Урале, в городе Свердловске, открылся филиал Эрмитажа. Но лишь немногие знали, что это собственно такое. Ни в коем случае не должен был дойти до врага секрет местонахождения Эрмитажа! Ящики с мрамором и картинами, древними сосудами и тканями темными ночами сгружались в подвалы особняка. На стенах подвалов появились термометры и гигрометры: ученые должны были следить, чтобы не изменялись нужная температура и влажность **воздуха**, — это могло попортить драгоценные краски, полотна, лаки.

В Ленинграде осталась небольшая группа сотрудников Эрмитажа. Она получила приказ хранить оставшиеся ценности, бережно перенесенные в подвалы и убежища.

В воздухе реяли советские истребители, охраняя город от врага. Сжималось кольцо блокады. Заводы работали для фронта. В опустевшем музее, в подвалах, у оставшихся сокровищ продолжалась научная работа.



*

1917—1941... 24 года непрерывного культурного строительства!.,

Из года в год, из месяца в месяц пополнялись музеи Советской страны новыми экспонатами. От местной промышленности, от художников, от любителей старины, от крупных музеев — отовсюду поступали в местные музеи разнообразные экспонаты. Музеи росли и развивались, создавались новые.

До Великой Октябрьской социалистической революции Минск хотя считался губернским городом, но был типичным захолустьем. В нем не было ни одного высшего учебного заведения, ни одного музея и театра, а средних школ насчитывалось всего около десятка. Весной и осенью даже на главных улицах была непролазная грязь. Тускло светили редкие керо-сино-калильные фонари.

К началу Великой Отечественной войны в Минске — столице Советской Белоруссии — было 17 высших учебных заведений, около 20 театров и кино, большая радиостанция, республиканская Академия наук, картинная галерея и несколько музеев и выставок.

В 1940 году при Белорусском государственном университете открылся самый молодой музей — историко-археологический. Инициатором его создания был академик Николай Михайлович Никольский, крупный специалист по истории древнего мира. Белорусская Академия наук подарила музею коллекцию орудий древнейших людей, населявших территорию Белоруссии десятки тысяч лет назад. Ленинградский Эрмитаж прислал собрание старинных славянских и русских монет. Студенты привозили с юга, с берегов Черного моря, где они проходили **Практику** в музеях Керчи и Севастополя, черепки античной посуды, слепки с античных мраморов, копии надписей, зарисовки фресок. Для Минского музея многое лично отбирали керченские и херсонесские археологи — И. Д. Максименко, Ю. Ю. Марти, А. К. Тахтай. Между учеными завязывались крепкие узы деловой дружбы.

Наступили июльские дни 1941 года. Пылает столица Советской Белоруссии. Дороги запружены толпами людей с узелками, котомками и чемоданчиками. Низко, на бреющем полете, проносятся немецкие стервятники.

Всё дальше и дальше по шоссе уходил из Минска и Николай Михайлович Никольский. Всё наиболее ценное из музеев города было отправлено на восток на грузовиках: железнодорожные пути были уже разрушены. Верные люди спрятали многое по подвалам, колодцам, зарыли в ямы. Академику пришлось бросить в городе свою личную библиотеку, рукописи незавершенных исследований.

Случилось, однако, так, что академика заставили вернуться в Минск: гитлеровцы перерезали дорогу и всех, кто уходил на восток, погнали обратно в город.

Улицы дымились от пожаров, и на месте многих домов стояли коробки с пустыми глазницами окон, в которые просвечивало белесое небо. Ученый видел, как из университета, из музеев, из лабораторий и институтов Академии наук летели на мостовую книги, связки архивных документов, исторические памятники.

Пылали костры. Это горели книги. Гитлеровцы сожгли домик народного поэта Белоруссии Янки Купалы со всеми находившимися в нем рукописями. В сквере перед Домом Красной Армии появились виселицы. Открылись кабаки и публичные дома..

Однажды на квартиру академика пришел мальчуган лет тринадцати. — Вот... из музея. На пепелище нашел. Вы, небось, хранить будете? До наших? .. Нате!.

И он протянул старику полусожженную фотографию. При свете копилки можно было различить профиль в венце лучей. Это был снимок знаменитой монеты Савмака. Две тысячи лет назад раб-скиф Савмак поднял в Крыму восстание угнетенных масс против вторгшихся иноземных захватчиков. Невзрачное фото замечательного памятника старины вдруг стало особенно близким и дорогим и семидесятилетнему ученому, и тринадцатилетнему мальчику с серьезными глазами.

**

А в Ленинграде наступила холодная и голодная блокадная зима. Его заводы, фабрики, учреждения превратились в «объекты»: безжалостный и жестокий враг методически обстреливал прекрасные здания, обрушивал на них бомбы.

Стал «объектом» и Государственный Эрмитаж. Трудная и необычная пора! Фанера закрывала высокие прекрасные окна; стекла вылетели от взрывной волны, и на полу около окон возвышались сугробики снега. У дверей в большой зал стояли два манекена. Когда-то это были рыцари. Теперь панцири, кольчуги, забрала — всё это хранилось в подвалах особняка в Свердловске. Пустые рамы висели на своих местах. Рядами уходили вдаль пустые постаменты.

Часто здание Эрмитажа сотрясалось от грохота взрывов. За время осады в него было свыше тридцати одних только прямых попаданий бомб и снарядов. Вдребезги разлетелось однажды стекло купола. Казалось, хрустальное небо обрушилось дождем осколков. Но ученые с мировым именем, и хрупкие пожилые женщины, и молодежь — все, кто носил звание хранителя музея, шли через залы, тускло освещенные копилками, спотыкались, лезли (вверх по шатким винтовым лестницам, карабкались по обдуваемой ледяным ветром крыше и в конце концов приколачивали фанерную доску.

Потом в одном из зал от сотрясения сорвалась о потолка большая бронзовая люстра. Она упала посреди зала и расплющилась. В Гербовом зале силой взрыва вырвало и перекосило все оконные рамы. В другой раз снаряд попал в подъезд Эрмитажа. Дыра появилась в карнизе над самым Атлантом. Но попрежнему невозмутимо продолжал держать гранитный силач на своих плечах навес, как когда-то легендарный Атлант держал на них свод неба.

Сперва в подвалах музея было организовано бомбоубежище только для дежурных работников. Потом число коек пришлось значительно увеличить: многие ученые переселялись в музей на жительство. Надо было следить за оставшимися памятниками постоянно: почти каждый день лопались

трубы, вода затопляла залы, всё холоднее становилось в помещении, губительная сырость ползла по стенам.

Эти люди не только берегли памятники искусства. Они вели семинары, делали доклады, писали статьи, готовили и защищали диссертации. Профессор, ныне лауреат Сталинской премии, Б. Б. Пиотровский дежурил пожарным на крыше и... писал монографию о древней Армении. Худой, едва передвигающийся от усталости и голода, приходил в подвалы к античным мраморам, к священным камням академик С. А. Жебелев — знаменитый исследователь восстания Савмака, знаток «херсонесской присяги» и многих других замечательных памятников древнего Причерноморья. ..

На заводах и фабриках продолжалась работа для фронта. Город-герой стоял гордо и непоколебимо.

«Помните, — спрашивал в одной статье писатель Константин Паустовский, — Инкерман? Последний тоннель. Все бросаются к окнам вагона. Но, даже не глядя в окна, можно догадаться, что поезд подходит к Севастополю. Отражения воды бегут по потолку вагона, морской ветер вздувает занавески, гремит сигнальная пушка. Полдень! Синевой, блеском прибрежной волны, желтыми скалами, сухим огнем бьет в глаза, слепит Севастополь».

А потом — знакомый севастопольский вокзал. О нем писал Илья Ильф; «Севастопольский вокзал, открытый, теплый, звездный. Тополя стоят у самых вагонов. Ночь, ни шума, ни рева. Поезд отходит в час тридцать. Розы во всех вагонах».

Сюда тоже пришла война. Она наполнила воздух ревом вражеских машин, — немцы сбрасывали на Севастополь тысячи бомб ежедневно. Она пришла в образе коричневых чудовищ, обложивших и обстреливавших город. Но город русской славы — город великих адмиралов, Малахова кургана, бастионов и памятников, город хирурга Пирогова, писателя Льва Толстого и лейтенанта Шмидта — стоял и не сдавался.

Восемь месяцев длилась осада, одна из самых суровых в истории войн. Немцы возненавидели этот город. Они боялись его, как боялись другого города-героя — на севере, на Балтике, выдержавшего неслыханную голодную блокаду, бесчеловечные обстрелы и бомбежки.

Казалось, замерла жизнь в Севастополе. Всюду коробки выгоревших домов, мертвые стены в дырах, провалившиеся крыши, обрушившиеся потолки, изуродованные фугасками фасады. Знаменитый памятник Тотлебену на Историческом бульваре обезглавлен, изуродованы бронзовые, толпящиеся у пьедестала, матросы: у одного пробито плечо, у другого оторвана нога.

Но Севастополь жил; жил и боролся.

Корабль за кораблем уходили из осажденного Севастополя. На Херсонесском мысу, под обстрелом с воздуха, грузили ящики в грузовики и на моторные лодки. Работали матросы и бойцы-пехотинцы. Распоряжался морщинистый, седобородый старичок. На одном из грузовиков ящики



Присяга граждан Херсонеса Таврического эпохи его расцвета (III в. до н. э.).

принимал пожилой человек в штатском. Взрывная волна опрокинула группу бойцов. Ящик развалился, из него посыпались черепки глиняной посуды и осколки мрамора. Страхнув с себя землю, люди бросились собирать рассыпавшееся и вновь тщательно сколачивать ящик.

Херсонесский государственный историко-археологический музей эвакуировался в глубь страны. Вывозилась знаменитая мраморная плита с присягой древнего херсонесита и сотни других ценнейших памятников.

— Так как же, Александр Кузьмич, все-таки останетесь? — спрашивал пожилой директор музея, который должен был сопровождать эшелон.

— Останусь, Иван Данилович, — твердо отвечал ученый хранитель музея Тахтай. — В каждом аду должен быть свой Цербер. Я полжизни отдал Херсонесу. Тут остаются десятки, да что я — сотни, тысячи других редкостных памятников. А сами развалины Херсонеса, эта наполовину еще не разведанная, таинственная, щедрая археологическая целина? Я останусь таким. Цербером близ священных камней.

— Ну, храни вас Зевс, — попробовал пошутить Максименко. Его губы дрогнули. Ученые обнялись.

Александр Кузьмич вернулся в свою каморку при музее. Его глаза с любовью остановились на большом белом листе ватмана с текстом херсонесской присяги. Оригинал — плиту с текстом — увезли. Извлеченная из земли, пятьдесят шесть лет простояла плита здесь, в одном из зал. Доедет ли она в целости? Может, лучше было закопать ее на месте, как ряд других памятников? Красноармейцы так предупредительны к просьбам ученого. Они защищают родной город со всем его прошлым. Нет, ведь вся почва тут перепахивается снарядами и бомбами. Севастополь в руинах...

«Клянусь Зевсом, Землею, Солнцем, Девою, богами и богинями Олимпийскими и героями, кои владеют городом, областью и укреплениями Херсонаситов, — вчитывался вновь и вновь старый ученый в давно знакомые, известные наизусть, но теперь по-новому волнующие строки присяги, написанной на «акающем» дорическом диалекте, — я не предаю ни Херсонаса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани, ни прочих укреплений, ни из остальной области, которой херсонаситы владеют или владели, — ничего никому, — ни эллину, ни варвару, но буду охранять для народа херсонаситов. Не нарушу демократии и желающему предать или нарушить — не дозволю. .. Не открою ни эллину, ни варвару ничего тайного, что может повредить городу. Не дам и не приму дара ко вреду города и сограждан; не замыслю никакого несправедного деяния против кого-либо из граждан. .. Не вступлю в заговор ни против общины херсонаситов, ни против кого-либо из сограждан, кто не объявлен врагом народу. . .»

— Зевс, Земля, Солнце, Дева и боги Олимпийские! — продолжал шептать ученый хранитель Херсонеса, — пребывающему мне в этом да будет благо и самому, и роду, и моим; а не пребывающему — зло и самому, и роду, и моим; да не приносит мне тогда плода ни земля, ни море; женщины да не рожают прекрасных детей!

Где-то совсем близко разорвался снаряд. На стол посыпались осколки оконного стекла.



Пол из разноцветной гальки в бане II века до н. э. в Херсонесе (раскопки 1937—1938 гг.). Посредине изображена большая ваза с водой, по бокам две фигуры моющихся.

Появились они и в древнем Херсонесе, на руинах города, имевшего историю в две с половиной тысячи лет. Тяжело раненные располагались в коридорах музея и в высившемся над городищем соборе, изрешеченном снарядами, но еще крепком. Легко раненные и выздоравливающие располагались прямо на городище. В меру сил они помогали защитникам Севастополя, Херсонеса.

Археологов принято считать чудаками.

Александр Кузьмич бесстрашно ходил по городищу, ставшему фронтом, среди противно дзикающих пуль, отряхивая пыль, вздымавшуюся от взрывов.

— Товарищи, эта земля — музей, эти камни священны! Берегите их, они еще пригодятся нам, сокровища исчезнувшего города. . .

И он читал бойцам импровизированные лекции.

— Перед крытым навесом склада херсонесских древностей стоит молодой человек с пушистыми, свешивающимися вниз усами, в русской вышитой рубахе, — с увлечением рассказывает Александр Кузьмич. — По небу бегут низкие тучи, накрапывает дождь. Не замечая этого, человек подходит то к одному, то к другому мрамору, трогает и шупает их, как будто хочет взять с собой хоть частицу их радостной красоты. Но вот он морщится: издали доносится заунывное пение монахов из расположившегося здесь же, на городище, монастыря. Через мгновение человек с еще

большим восторгом продолжает переходить от обломка колонны к мраморному льву, от льва — к известняковой плите. Глухо шумят на ветру деревья. Шумит и суровое сегодня море. Но на душе человека весна. «Хорошо!» — вслух, заметно «окая», говорит он. Это было в 1897 году. Человек в русской рубахе — Алексей Максимович Пешков, нижегородский мастеровой — писатель Максим Горький. Шли годы скитаний, были пройдены Поволжье, Дон, Украина, Грузия. Всюду за Горьким следовал «негласный надзор» полиции: правительство видело в молодом человеке бунтовщика, ниспровергателя «основ». В типографии уже были два тома рассказов Горького, они появятся в магазинах через год, и имя его выйдет на европейскую арену. Про наш Херсонес Горький писал: «Глядя на эти обломки исчезнувшей культуры, понимаешь, как громадно значение простоты в красоте. В сущности, все эти изваяния из мрамора — просты, и именно поэтому они так прекрасны».

... Мерно течет речь старого ученого. Проясняются лица бойцов. Так вот каков он, наш «гробокопатель»! А об этих мраморах писал сам Горький! Эти невзрачные черепки — достояние народа, а этот старичок — его хранитель.

Бойцы платили старику взаимностью. Однажды они помогли ему укрыть глубоко в земле мозаичный пол древней бани. Перед тем как засыпать его, они долго любовались живыми тонами и красками мозаики.

Стояли знойные, душные июньские дни сорок второго года. Радио сообщало: непоколебимо стоит гордый город на Балтике! В синем раскаленном небе тучей саранчи гудели немецкие самолеты. В один из таких дней черноморский моряк лейтенант Калюжный написал своей кровью на клочке газеты с портретом Сталина: «Клянусь стоять на смерть за родной Севастополь!» Он прикрепил клочок с клятвой к обломку стены. Кругом были тела его братьев-солдат, он оставался один. Подоспевший на подмогу отряд застал его смертельно раненным. И, как один, все бойцы отряда поставили и свои подписи на том же газетном обрывке.

I

„ВООБРАЖЕНЬЮ КРАЙ СВЯЩЕННЫЙ“

В МИРЕ ЛЕГЕНД

Впервые мы повстречались с Александром Кузьмичом летом 1937 года. Я руководил приехавшей в Херсонес группой студентов-историков Белорусского государственного университета. Как раз тогда руководство университета задумало создать небольшой учебный историко-археологический музей. Заведывание музеем было поручено мне.

Вспоминается ясный вечер с крупными мохнатыми звездами на темном ночном небе. Мы с Александром Кузьмичом лежали на траве, скудно пробивавшейся у остатков древней мостовой на окраине городища. На берегу смутно угадывались белые колонны недавно раскопанного византийского храма. Севастополь сиял огнями. В такие тихие вечера позднего лета здесь, у древних руин, как-то особенно ощущаешь аромат прошлого.

Тахтай протянул мне книгу. В смутном мерцающем свете звезд и далеких огней Севастопольской бухты я прочел: «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте». Это была диссертация профессора Ленинградского университета, ныне академика Ивана Ивановича Толстого. Я знал ее. Она была написана не сухим языком ученой диссертации, а звучала как вдохновенная поэма в прозе. Перед читателем вставали античные легенды об Ахилле, Прометее, Язоне, гипербореях и грифах.

На заре торгового мореплавания самое дальнее, наиболее северное из открытых эллинами морей слилось в народной фантазии с представлением о сказочном, пугающем воображение, жутком «загробном море». С далеким и холодным, опасным для плавания Черным морем греками было отождествлено страшное Море Смерти.

И точно: перед устьем Дуная — древнего Истра — в море лежал Левка — Белый остров героя Троянской войны Ахилла, его загробная обитель. Людей на острове не было: только животные спокойно бродили

в священных кипарисовых рощах острова да гнездились на острове несметное множество чаек, белых, влажных, пахнувших морем. Утренними зорями слетали они на морские волны и, омочив свои крылья в морской воде, спешили в храм — окропить его колонны и алтарь владыки Понта — Ахилла — брызгами чистой влаги со своих больших белых крыльев.

Таинственно звучали все эти необычные, сказочные имена...

На Черноморском побережье Кавказа — легендарная Колхида. Туда за золотым руном стремился на сказочном корабле «Арго» молодой смельчак Язон. Злой царь Пелий несправедливо отобрал у его отца престол, а когда Язон явился к нему, послал его на этот тяжкий иску: ведь золотое руно охранял грозный дракон. Да и самое море это — Понт — именовалось гостеприимным — Евксинским — лишь в том смысле, в каком гостеприимна могила, в каком гостеприимен Аид — бог подземного царства: многих «гостей» уже приняло это страшное море, многих примет еще... И всё же добыл Язон диковинную драгоценность, невредимым вернулся в родные края.

А на одной из высоких кавказских скал терпел муки Прометей, нарушивший веление Зевса. Злой и мстительный царь богов и людей Зевс не дал людям огня. И Прометей похитил огонь со светлых вершин Олимпа — горы, где, по преданию, обитали боги. Он отдал его людям. Он научил их плавить металлы, строить каменные хоромы, наукам, искусствам... Голубое небо блистало между разорванными тучами. Где-то далеко внизу, в безднах и ущельях этих снежных гор, шумели бурные потоки. Ноги и руки титана были крепко прикованы к утесу. Коршун клевал печень мученика. Капли сгустившейся черней крови струились по бедрам. Звенели цепи. Гигант метался от боли.

Не о Балаклавской ли бухте под Севастополем рассказывал хитроумный Одиссей, герой знаменитых древнегреческих народных поэм, которые молва уже в древности приписывала гениальному слепому певцу Гомеру? Ученые заявили, что во всем Средиземноморском мире нет второй такой бухты.

**В славную пристань вошли мы, ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темных бездн
Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет.**

Но за чудесной гаванью в горах жили лестригоны — племя ужасных великанов-людоедов. Многие спутники Одиссея пали их жертвами...

Вблизи, на мысе Фиолент, томилась далеко от родной Эллады Ифигения, юная жрица кровожадной Девы — богини обитавших здесь диких тавров. Греки называли эту богиню Артемидой, римляне — Дианой. Рассказывалось, что Ифигению перенесла сюда из Эллады сама богиня, когда отец Ифигении Агамемнон собирался принести ее в жертву Артемиде, за-



„Подвиги Геракла" — плита II века нашей эры (Херсонес). Изображены: укрощение бешеного критского быка; выведение из Аида трехглавого сторожевого пса Цербера; похищение золотых яблок из сада нимф Гесперид. Плита была найдена в христианской базилике: строители замостили пол храма такими плитами с рельефами языческих времен.

голов на алтаре: пусть боги дадут попутный ветер его кораблям, — Агамемнон во главе греков шел походом на Трою.

Однажды ветер прибил к береговым скалам Тавриды ладью с двумя молодыми греками, неразлучными друзьями — Орестом и Пиладом, преследуемыми гневом суровых богинь Эриний. По местному обычаю, чужеземцев надо было заколоть на алтаре Девы. Услышав родную эллинскую речь, Ифигения решила спасти одного из них и с ним переслать весть о себе на родину. Орест и Пилад стали спорить: каждый хотел умереть сам, чтобы спасти друга. Но Орест узнал в Ифигении свою сестру. И все трое бежали из Тавриды на далекую родину. И смягчились сердца Эриний; отныне стали они зваться Эвменидами — благостными...

Здесь, в причерноморских степях, окончил когда-то свои странствия ска- зочный богатырь Геракл. Рассказывали, что народ скифов — его потомки.

А дальше — там, куда залетает только северный ветер Борей, даже уже за его владениями, жили безгрешные гипербореи — благословенный народ бога солнца Аполлона, да грифы — нездешнего вида животные: звери с птичьими головами — сторожили заветное золото. Там — «сто- рона ночи». Там — вечный мрак и низко стелющийся белесый туман: там, быть может, и вход в подземное царство Аида — Тартар...

ОТ СКАЗОК — К ИСТОРИИ

Шли годы. Уходили в сумрак прошлого таинственные легенды. Всё чаще сновады по морю полные товаров галеры ловких купцов и смелых мореплавателей — греков. По-новому оборачивался и старинный миф о зо- лотом руне. В наши дни ученые выяснили его происхождение. Быстрые воды рек и речушек болотистой, малярийной Колхиды несли вымываемый с гор золотой песок. Колхи — древнейшие жители страны, предки тепе- решних абхазов и сванов — опускали на каменное ложе реки густошерстные шкуры баранов, и золотые песчинки запутывались в руне. Оно станови- лось драгоценным предметом меновой торговли. Отважные моряки уво- зили его с собой. На родине они рассказывали о пережитых приключениях и опасностях. В свой рассказ они нередко прибавляли много всяких чудес. А стар и млад жадно прислушивались к чудесным вестям.

Не только золота искали пришельцы. Влекли их и безбрежные степи с рассеявшимися по ним несчетными табунами коней и стадами скота. Они видели: черная плодородная земля будет давать огромные урожаи хлеба.

По всему северному и восточному побережью Понта и Меотиды — Азов- ского моря — в продолжение VII—VI веков до нашей эры греки осно- вали ряд крупных торговых и культурных городов-колоний. Выросли Херсонес, Истр, Тирас, Ольвия, Пантикапей, Феодосия, Танаис, Фана- гория, Горгиппия, Диоскурия. Вокруг этих городов широким морем рас- кидывался «варварский» — скифский — мир. Для великого трагика Эсхи- ла Скифия — это уже не страна чудес, а страна железа, а скифы — метал- лурги и кузнецы. Так мифологические и поэтические фантазии сменяются трезвой историей.

По южному побережью Понта сокрушительным вихрем мчалась кон- ница неистовых узкоглазых ассирийцев; важно ехали на колесницах персы с завитыми и надушенными бородами. Не было места на Понте, где не проходили бы легионы римлян в блестящих медных шлемах. А на за- паде, у берегов Дуная, в начале I века нашей эры бродил и тосковал сосланный сюда римским императором Октавианом Августом поэт Публий Овидий Назон.

Пришло время, и у подножья древних кипарисов задымились готские костры, заржали кони, вновь забряцало оружие. А потом выросли хри- стианские храмы. Бледные от религиозного неистовства, византийцы совер- шали свои заунывные богослужения. Мимо Корсуни — старинного Херсо- нес-а Таврического — прошел великий путь «из варяг в греки».

Так шли века. Исчезали народы, но из уст в уста передавались старые легенды. Стирались с лица земли города и поселения, но взамен выра- стали новые. А местами оставались только необозримые пустыри порос- шие бурьяном, перерезанные оврагами. И теперь лишь старые сказки да холмики на месте когда-то бывших зданий, да масса черепков старой посуды свидетельствуют о том, что здесь были некогда богатые и цвету- щие города и поселки.

Море унесло всё это — море времен...

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЭТА

Далекое прошлое нашего Юга интересовало многих передовых русских людей.

5 мая 1820 года Александр I утвердил ссылку на юг России великого русского поэта А. С. Пушкина.

**В неволе, в бедности, в степях
Мои растраченные годы... —**

вспоминал позднее об этом времени поэт. Но начало этого периода было озарено кратковременным пребыванием Пушкина на Кавказе и в Крыму. Замечательное прошлое края глубоко взволновало поэта.

На почву «полуденной Тавриды», в Керчь, Пушкин вступил 15 авгу- ста. Через десять лет, в 1830 году, в «Путешествии Онегина» поэт вспо- мнит о Крыме:

**Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат.**

«Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапея», — отмечал в дневнике Пушкин в 1820 году. И прибой звучал ему, как длинные певучие строки поэм Гомера, а каждый парус вдали напоминал галеры и триремы Эллады и Рима.

Поэта ждало разочарование. Он сообщает: «На ближайшей горе, посреди кладбища, увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, заме- тил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее осно- вание башни — не знаю. Там сорвал я цветок для памяти и на другой день потерял его без всякого сожаления. Развалины Пантикапея не силь- нее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузарос- ший ров, старые кирпичи — и только».

Но брату Пушкин писал: «Нет сомнения, что много драгоценного скры- вается под землей, насыпанной веками». С грустью отмечал он, что мест- ному энтузиасту-археологу Дюбрюксу «недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится».

**Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило.
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!**

**Я вижу берег отдаленный.
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспомянем упоенный,—**

писал Пушкин на корабле в открытом море через несколько дней.

В сентябре поэт побывал в Георгиевском монастыре с его замечательной крутой лестницей к морю, а поблизости, на мысе Фиолент, «видел баснословные развалины храма Дианы». Тут его «посетили рифмы»:

**К чему холодные сомненья? —
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь упокоена была
Вражда свирепой Эвмениды,
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество...**

Эти стихи поэт посвятил другу своему Чаадаеву. И на камне, освященном легендарной дружбой действующих лиц античной сказки — Ореста и Пилада, ссыльный поэт высек имена — свое и далекого верного друга.

А через год ссыльный поэт совершил как-то ночью поездку из Кишинева к устью Дуная. Говорят, что именно здесь, в одной из белых мазанок, из уст старого-престарого цыгана услышал он поразивший его рассказ. Старик говорил: давно-давно (только гул дошел от тех речей!) из-за моря приехал сюда человек. Разговор его был сладок, как мед, как песня... И Пушкин понял: это молва о ссыльном, как и он, великом поэте древнего Рима.

«Я живу в стране, в которой долго бродил Назон», — написал он своему приятелю в Петербург.

Еще твоей молвой наполнен сей предел...—

слагались стихи, обращенные к Овидию. Через несколько дней было написано еще одно стихотворение — стихотворное послание Чаадаеву. Оно начиналось словами:

**В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев — пустынный мой сосед...**

«Август поэта сослал, — думал Пушкин, — а поэт пережил римского императора, — он признан народом, и молва о нем идет тысячелетия! ..»

Шумело море, и гасли севастопольские огни. Мы — Тахтай и я — молчали, думая каждый о своем. Я вспомнил рассказ об Овидии старика-цыгана из поэмы Пушкина:

**Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье,—
Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание.
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобней... —**

и мне стало понятно, почему Пушкин назвал Причерноморье — «Воображенью край священный».

И я представил себе вот такую же звездную южную ночь на берегу Керченского пролива — древнего Боспора Киммерийского. Не о Понте ли Евксинском, о его исчезнувших городах и людях, под неумолчный рокот прибоя, склонившись над своим столом, слабо освещенный мерцающей свечой, думал и господин начальник Керченской таможни, помянутый Пушкиным чудак и энтузиаст Павел Дюбрюкс? ..

II

ГОРОДА ПОД ЗЕМЛЕЙ

ЧУДАК С ГОРЫ МИТРИДАТА

— Чертовски хорошо! — потирал коротенькие, пухлые ручки адмирал, — чертовски хорошо! Нет, вы смотрите — сколько камня!

И он довольно погладил свои седеющие бакенбарды.

Полтора-два века назад правящие круги царской России недооценивали научное значение памятников старины.

17 ноября 1782 года в Севастопольской, тогда Ахтырской, бухте бросили якоря корабли русской эскадры. Через полгода — 2 мая 1783 года — прибыла вторая партия кораблей. Экипаж имел задание строить здесь морскую крепость. Однако высадившиеся 2600 человек «не имели», как гласило донесение контр-адмирала Мекензи, «иных средств, кроме своих рук». И можно было представить радость, охватившую строителей, когда поблизости нашлись «развалины старого Херсона», т. е. древнегреческого города Херсонеса. Вот откуда камня можно было собирать вдоволь!

Десять лет спустя Херсонес посетил ученый немец, историк и археолог академик Паллас. Начитавшись древних писателей, проштудировав увесистые описания путешественниками развалин и памятников былых центров античной жизни — Афин и Рима, он думал и здесь увидеть живописные руины грозных укрепленных стен, колоннады храмов, изящные мраморные статуи, надписи, монеты.

Но берег бухты был усеян лишь бесформенными кучами разбитых камней. Еще за шесть столетий до Палласа город был разорен турками, затем монголами, снова турками, потом татарами, наконец литовцами и генуэзцами. Последние жители давно покинули руины.

Нужны были планомерные, тщательные раскопки. А ученый археолог, не заметив на поверхности ничего «значительного», только пожал плечами и отбыл на север с первой же почтовой кибиткой. Лишь значительно

позже понял он значение Херсонеса и стал производить там беглые изыскания.

Прошло еще двадцать три года. На другом конце Крыма, в городе Керчи, появился новый начальник таможни — Павел Дюбрюкс. Керчь была тогда небольшим городком, насчитывавшим всего 600 жителей. Наполовину — военная крепость, наполовину — торговый склад, она представляла собой единственную длинную улицу, тянувшуюся от двух древних полуразрушенных башен.

Этот небольшой городок был славен своей историей. Здесь, на берегу пролива, стоял древнегреческий город Пантикапей, некогда центр могучего Боспорского царства. Гора Митридата напоминала о знаменитом царе и полководце Митридате.

Дюбрюкс скоро прослыл за чудака. О каждом камне он способен был часами рассказывать какие-то древние сказки. Говорили, что на досуге он ищет клады, и не только в окрестностях, но и в самом городе на знаменитой горе Митридата.

Контрабандисты прекрасно знали среднего роста, подвижного мужчину, всегда гладко выбритого и затаятого в форменный мундир. Они знали также, что за древнюю монету, за черепок старинной чернолаковой посуды он может простить многое. Знали — и пользовались этим.

Господин градоначальник Стемповский не раз и не два ставил на вид господину Дюбрюку это обстоятельство. Но потом махнул рукой, а под конец и сам заинтересовался прогулками упрямого энтузиаста.

А заинтересоваться было чем. Примерно раз в неделю Дюбрюкс оставлял таможню — одноэтажную деревянную постройку типа барака — на полное попечение жены и нескольких малолетних ребят, а сам, засунув в карман кусок хлеба, отправлялся за шестьдесят верст к горе Опук.

Невыносимо жгло южное солнце; в золотистом воздухе замирали, казалось, все звуки мира. А он всё шел и шел, шел по пустынным и неизведанным тропам, зорко приглядываясь к бесконечным солончакам, отмечая в памяти все попадавшиеся холмы и насыпи — остатки старинных могил и курганов.

Ночевать приходилось прямо на земле. Очень хотелось курить. Но табака не было. Дюбрюкс признавался, что даже скверную солдатскую махорку он не всегда мог купить, так как не было лишних двух копеек. «Господин начальник таможни» был на деле рядовым, скверно оплачиваемым русским чиновником. Единственным его «доходом», помимо небольшого жалованья, являлась соленая рыба, которой по временам снабжали «забавного чудака» шкиперы рыбачьих шхун.

Он смотрел на мерцающие звезды и мечтал о раскопках древнего города Пантикапея, всех этих курганов и могил. Он думал о времени, когда, встревоженный лопатами многочисленных энтузиастов, вновь оживет богатый прошлым край, и города, тысячи лет спавшие под землей, встанут перед глазами в руинах своих улиц и домов, причудливых и фантастических.

Но на «фантазии» денег не отпускали. Дюбрюксу приходилось все более и более урезать и без того скромный свой бюджет. Возвращаясь

в таможную, истощенный переходами, обессиленный голодом, он два-три дня отлеживался, ласково перебирая пальцами собранные красноватые и черные, покрытые древним лаком глиняные обломки.

Постепенно в квартире Дюбрюкса образовался музей. Конечно, бедность наложила и здесь свой отпечаток. По свидетельству очевидца, это был склад камней с надписями, обломков статуй, барельефов, колонн и других предметов древности, разметанных по двору без всякой системы и порядка, кое-где уже полувросших в землю.

В 1818 году у Дюбрюкса побывал император Александр I. «В знак своего монаршего благоволения» император подарил ему... всё находившееся в его коллекции!

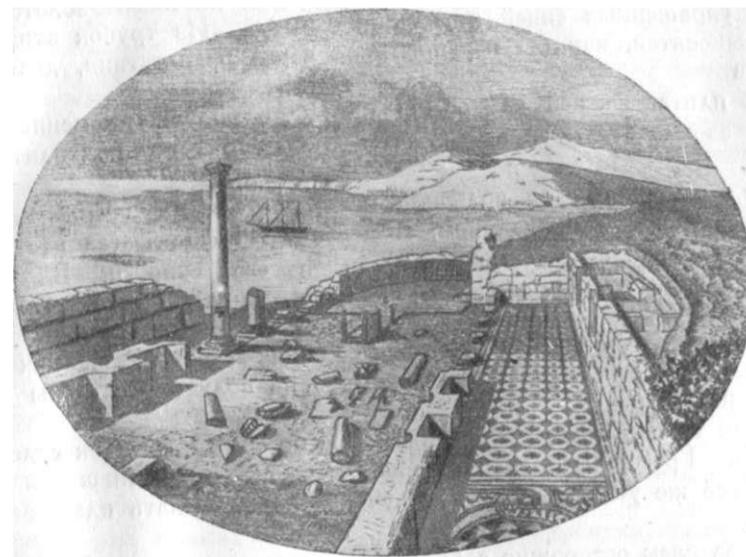
РАДОСТИ И ГОРЕСТИ АРХЕОЛОГА

В летний день 1827 года среди извилистых дорожек херсонесских руин бродил с группой матросов, вооруженных заступами и ломками, человек в белом морском кителе, с лихо закрученными вверх усиками. Более всего в жизни, казалось, он боялся запачкать свои ослепительно белые туфли. Это был лейтенант Крузе.

Молодой лейтенант приступил к раскопкам погибшего города по прямому распоряжению главного командира Черноморского флота. Археологией, видимо, заинтересовалось правительство. Он искал храм, в котором, как говорилось в летописи, крестился и принял христианство «равноапостольный» князь киевский Владимир.



Руины древнего здания Херсонесе на берегу моря. Из раскопок 1935—1936 г. Ученые предполагают, что это — остатки храма ранневизантийского времени (около VI века нашей эры). Снимок 1941 г.



Древнехристианский храм-часовня (базилика) в Херсонесе, раскопанная в 1853 году. Мозаичный пол ее перевезен в Эрмитаж.

Пришел черед и для руин Пантикапея и остатков его окрестных курганов.

Шел 1831 год. В Керчи строили казармы. Камень стали ломать поблизости: в кургане Куль-Оба. За работами, в ожидании интересных находок, наблюдали Дюбрюкс и Стемповский.

Как-то, отвалив одну из тяжелых каменных плит, рабочие обнаружили проход в богато убранную галерею склепа. При тусклом, неверном свете смоляных факелов поблескивало золото и серебро многочисленных художественных изделий.

Часть галереи давно обвалилась и была засыпана землей и мелким щебнем. Отвоевывать «клад» приходилось по футам и дюймам. Но зато велика была и награда!

Вот ваза с рельефными живыми изображениями скифов: выдергивание больного зуба, перевязка ноги... Ваза сделана из электрона — сплава золота с серебром.

Вот золотая чаша. Наружная ее сторона — как многолепестковый цветок; на внутренней стенке — резвятся рыбы и дельфины, а между лепестками проглядывают изображения голов скифов с остроконечными бородами и маски со змеями вместо волос — облик страшного чудища Медузы-Горгоны.

А это что? Золотой ошейник весом свыше фунта? Это — шейное кольцо вождя племени, так называемая гривна. Она свита из шести тол-

стых золотых проволоч. Концы их прикрыты листовым золотом в виде трубок, украшенных синей и голубой эмалью. Из трубок этих на всем скаку выносятся, как бы перепрыгивая через препятствия, два скифских всадника.

Еще плита, за ней камера. Пол тоже в больших каменных плитах Чу, как звонко отдаются шаги... Это — звук пустоты: под плитами захоронение.

Перед замершими от волнения исследователями — возвышенное ложе под полуистлевшим балдахином. В деревянных саркофагах костяки мужчины и женщины — вождя племени и его супруги. Вновь — богатые украшения, мечи, скипетры, налучья, щиты, бляхи, музыкальный инструмент.

На южной стене склепа — пять больших гвоздей; на них когда-то висела одежда; теперь она истлела, лишь на полу около стены валяются золотые нашивки.

Но как только стали собирать всё это богатство, потолок склепа начал рушиться. Громадные камни грозили убить находившихся внутри. Кое-как всё же успели захватить лучшие вещи, сделать план, зарисовать комнату.

День за днем осторожно собирали и выносили находки. На ночь оставляли стражу. Скоро, впрочем, от нее отказались: кто же, думали, проберется в гробницу, рискуя быть задавленным падающими с потолка камнями?

Между тем слухи о «кладах» ползли по окрестностям. И когда однажды утром исследователи вошли в склеп Куль-Оба, то только ахнули. Склеп был ограблен дочи́ста: было взято всё, что там оставалось. Исчезли двг серебряных подноса с двумя серебряными вазами, пропали многие предметы вооружения, несколько золотых фляжек, множество тисненых золотых блях — украшений одежды. Более того: грабители нашли под полом склепа и разграбили еще одну гробницу с превосходными золотыми вещами. Дюбрюкс и Стемпковский увидели лишь их жалкие остатки.

Несколько лет спустя министерство внутренних дел объявило о скупке различных драгоценностей, «собранных» в многочисленных курганах и могилах Причерноморья. Конечно, надо было читать не «собранных», а «похищенных». Хотя министр и выражался нарочито вежливо, вору ему не поверили. Великолепные чаши и ожерелья сплавлялись в слитки, а глиняную посуду, чтобы окончательно замести следы, безжалостно разбивали.

А что же Дюбрюкс?

Этот первый энтузиаст черноморской археологии умер в 1835 году в страшной нужде. За несколько месяцев до смерти он писал другу своему: «С начала февраля у меня нет огня в комнате; случается часто, что по два-три дня, а то и четыре дня сряду, я не знаю другой пищи, кроме куска дурного хлеба. Давно уже отказался я от моей бедной чашки кофе без сахара, которую пил я по утрам...».

В КУРГАНЕ

Точного, на несколько лет вперед рассчитанного плана раскопок не было. Раскопки велись от случая к случаю. Все ценные находки увозились в Санкт-Петербург, в императорский Эрмитаж. Он был основан Екатериной II. «Эрмитаж» — значит уединение. Анфилады комнат были наполнены чудесными произведениями мирового искусства. Но это был музей только для избранных — для самой царицы и придворных.

Кое-что помешалось в Одесский музей древностей. Здесь над памятниками старины могли работать студенты. Возникали частные «общества любителей древностей».

В 1862 году приступили к раскопкам большого скифского кургана в 20 верстах от местечка Никополь на правом берегу Днепра — Чертомлыцкого. Курган имел 9 сажений в высоту и 165 — в окружности. Работами руководил знаменитый русский ученый Иван Егорович Забелин.

На вершине кургана стояла каменная баба. Ее перенесли на соседний холм, а затем начали понемногу, осторожно, слой за слоем снимать землю, начиная с вершины.

Прошли два аршина вглубь. Время от времени стали попадаться черепки от глиняных кувшинов, железные удила, бронзовые пуговицы. На глубине трех сажений — более ощутимый результат: целая куча железных конских удили — штук 250, бронзовые бубенчики, колокольчики, золотые и серебряные бляхи...

В это лето успели пройти до седьмой сажени глубины.

На следующий год курган был целиком срыт. Рабочие стали углубляться в почву. Работа была трудная и опасная — грозила обвалом рыхлая потревоженная земля. Прошли три сажени — ничего. Пять сажений... И вот — слой белой глины, и на ней смутные отпечатки некогда стоявшего тут гроба. Где же гроб?

Забелин вспомнил: еще при начале раскопок, на северо-западной стороне кургана, им была замечена какая-то нора, и от нее шла подземная лазейка. Значит, через нее и пробрались в гробницу похитители.

Однако не всё удалось унести грабителям из кургана. Даже не всем! Удалось вновь выбраться на дневной свет. Рабочие Забелина нашли в лазейке засыпанный землей скелет. Кости его были раздавлены. Правая рука скелета еще сжимала бронзовый светильник с шестью рожками для факелов. Рядом валялись различные вещи.

Раскопки продолжались. Скоро обнаружили четыре побочных гробницы. Разграбленная — была главной. Она возвышалась наподобие катафалка. К побочным гробницам, расположенным в четырех углах главной, ниже ее уровня аршина на два, вели покатые спуски.

Сюда грабители не проникли. В северо-восточной пещере нашли человеческий скелет с бронзовым обручем на шее, с серьгой с правой стороны черепа и золотым кольцом на среднем пальце правой руки. Возле лежал ножик с костяной ручкой и колчан, полный бронзовых стрел. Тут же были сложены богатые одежды и уборы. Украшений было до двух с половиной



Первые раскопки обнаружили калитку римского времени, а под ней раскопали уже более древние ворота—греческие. (Херсонес).

ца лежали 57 золотых блях с изображениями женщины и мальчика с зеркалом. Забелин подумал: эти бляхи, верно, служили каймой какого-либо покрыва, ведь с изнанки на них заметны были еще остатки тонкой пурпуровой ткани. На кистях рук были широкие золотые браслета, на всех пальцах — золотые перстни. Справа, подле руки, лежало бронзовое зеркало с костяной рукоятью.

В глубине пещеры Забелин обнаружил серебряную вазу. Она была высока — более аршина; по сравнению с ней знаменитая Куль-Обская

тысяч: золотых драконов, львов, оленей, золотых пуговиц. Когда-то всё это было развешано по стенам. Как Дюбрюкс со Стемпковским — в Куль-Обском кургане, Забелин и тут увидел железные крючки с остатками истлевших платьев.

Особенно интересны были находки в северо-западной пещере. Тут бросались в глаза отпечатки на глине красок: голубой, красной, желтой, зеленой; заметны были остатки истлевшего дерева. Здесь когда-то стоял деревянный гроб до двух с лишним метров в длину. Посреди остатков гроба лежал женский скелет, обращенный лицом к главной гробнице. На шее был золотой обруч, около фунта весом, с изображением львов на концах. По бокам черепа лежали две серьги, состоявшие из золотых колец с семью подвесками в каждом; на лбу — чеканная пластинка, а около

головы и всего тулови-

ваза казалась карликом. Как и на той, здесь были выпуклые изображения скифов, шедшие по всему фризу вазы. Это были скифы-коневоды. Рельефы были вызолочены.

— Ну, эту вазу только в Эрмитаж!—решил Забелин.

Работы шли дальше. В юго-западной пещере было открыто два скелета воинов. Они лежали рядом; их лица, как и лицо ранее найденного женского скелета, были также обращены к главной гробнице. Оба имели золотые обручи на шее, золотые браслеты и перстни на руках, а возле — мечи и колчаны со стрелами.

В юго-восточной пещере стояла небольшая бронзовая ваза, было несколько глиняных сосудов, лежали истлевшие кости собаки.

„СКЛАД МЕСТНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ“

Трудны были первые шаги черноморской археологии. Сановные торговцы, ловкие фальсификаторы, самоуверенные и невежественные чиновники. .. Тяжело было среди этой толпы настоящему ученому, энтузиасту.

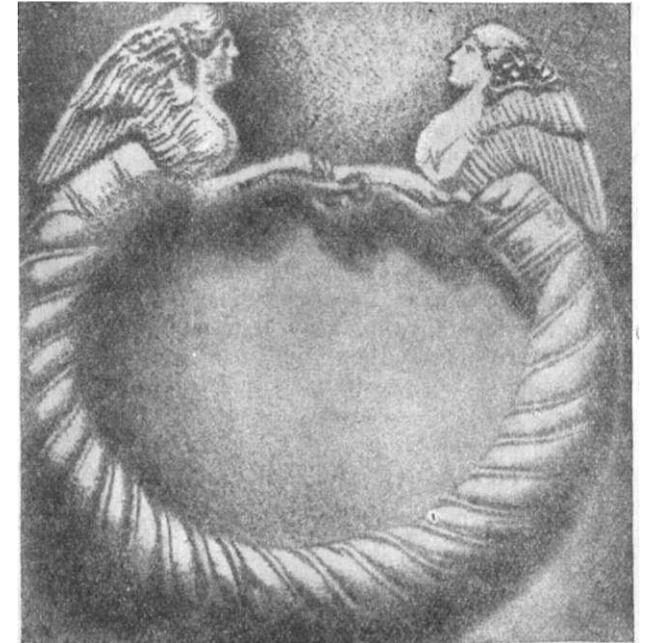
Археологический музей Херсонеса даже в начале двадцатого века попрежнему помещался в полутемном и сыром сарае и назывался «складом местных древностей».

А вне стен «склада» случайные люди безжалостно портили и уничтожали всё, что попадалось им под руку. Суеверные люди особенно налегали на «языческие», «бесовские», то есть, конечно, на наиболее древние вещи. Туристы растаскивали с городища «сувениры на память».

Любопытна страничка из истории раскопок древнегреческого города Ольвии в устье Буга. До самого начала двадцатого столетия земля эта принадлежала выжившей из ума старухе—графине Л. А. Мусиной - Пушкиной.

Много лет подряд не разрешала она про-

Золотой браслет тонкой греческой работы с изображением голов крылатых сфинксов. Найден в одной из



изводить на ней никаких, даже самых беглых изысканий. В то же время земля не охранялась, и подозрительные люди рыскали ночью по запретным местам и обогащались. Агент немецкой хлебной фирмы Фогель скупил здесь по дешевке богатую коллекцию и даже предлагал ее санкт-петербургскому императорскому Эрмитажу. Министерство двора не сошло в цене с немецким торгошом. Коллекция была распродана по частям за границу. Некоторые ольвийские древности украшают частный музей американского миллиардера Моргана.

Появились и спекулянты. Спрос на «русские древности», а вместе с ним и цены на них росли с каждым днем. В Одессе, Николаеве и Херсоне открылись конторы по купле-продаже памятников старины.

Не удивительно, что наряду с подлинными памятниками древности — сокровищами — широким массам любителей продавали большое количество подделок.

Родилась новая профессия: специалистов по подделке древностей. На всю Европу прогремела покупка за колоссальную сумму французским национальным музеем Лувром исключительной редкости — короны «варварского» царя Сайтафарна. Ученые толпами съезжались смотреть на невиданную ценность. А потом оказалось, что тиара эта — одна из искуснейших в мире подделок, вдохновенное «творчество» одного одесского ювелира. Он сам признался в этом незадолго перед смертью. Пришлось тиару перенести из античного отдела в современный.

А богатые люди, многие из которых были невеждами в старине, и вообще не обращали особого внимания на подлинность вещи. Вещь более или менее старинная на вид, относительно красивая, сделанная из золота или серебра, — чего еще надо больше?

Только немногие хорошо понимали, что не золото и серебро представляют главную ценность находок в древних могилах и городищах. И эти люди самоотверженно вели научную работу, продолжая раскопки. Часто из отдельных стенок, обнаруженных при раскопках, получался полный план здания, а из отдельных обломков и черепков составляли целую статую, картину, вазу или надпись. Но зачастую бывало и так: копали много недель подряд, а в результате натыкались на давно уже разграбленную могилу или здание, стертые с лица земли хищниками-грабителями.

ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ЗАПОВЕДНИКАМ

И снова шли годы. Ветры трех революций прошумели над просторами Российской империи.

В херсонесский «склад древностей», на Ольвийское городище, в Керченские катакомбы ворвалась настоящая жизнь, пришел народ — рабочие, красноармейцы, матросы, учителя, школьники.

Наше первое археологическое путешествие началось с посещения Ольвии. На севере с раскопчным городком граничит колхоз «Парутино», на востоке река Буг — древний Гипанис — смыкается с Борисфеном — Днепром, на юг и запад уходят степи.

Было лето. Вечерами на серо-стальной полоске мелеющей реки маячил розовый парус и пронзительно кричали чайки, пролетая над зеленоватой водой. К реке примыкала степь. Зыбкий ковыль волнами переливался на ее курганах, и чудилось, что поет он стародавние были. Когда-то, в старину, на берегах Черного и Азовского морей, в Крыму и на Кавказе шла совсем другая жизнь, жили совсем иные люди.

Утро. Рабочие распределены по квадратам. В каждом копают двое, идя навстречу друг другу; копают медленно, осторожно. В земле то и дело попадаются осколки стекла, черепки сосудов. Их собирают в кучу. Перекопанную землю откатывают на вагонетках к обрыву. Если ожидают «мелочь» — серьги, бусы, наконечники стрел, — землю просеивают сквозь сито.

Сквозь сито? Да, лабораторное оборудование здесь так же обычно, как и необычно. Обыкновенным пчеловодным ножом очищаются наиболее крупные находки; хирургическим ланцетом, кистью, щеточкой — «мелочь». А обломки лакированных ваз — их давность распознают только прикосновением губ. Археолог как бы целует черепок. Гладкая поверхность говорит ему об одном возрасте, чуть-чуть шероховатая, что на глаз и неприметно вовсе, — о другом, меньшем.

Слой за слоем, квадрат за квадратом. . . Мы путешествовали в веках. Вот половина I века нашей эры. В это время город был завоеван и разорен степными кочевниками. Один знатный грек-оратор, посетивший Ольвию через полтора года, говорил о «видневшихся вдали развалинах сторожевых башен. Везде встречались полуразрушенные памятники, статуи с отбитыми руками и носами». А вот Ольвия VI и V веков до нашей эры. «Отец истории», ученый грек Геродот писал тогда, что город был «большим, многолюдным, прекрасно отстроенным, хорошо укрепленным. . .».

Мы проверяли слова древних авторов вещами, только что проснувшись от многовекового сна. Мы видели много попорченных статуй из слюв I века нашей эры и четкую, уверенную кладку стен классической эпохи.

* * *

В Херсонесе хранитель музея Александр Кузьмич Тахтаи и руководитель раскопок Г. Д. Белов показывали нам черные, как уголь, зерна ржи. Они хранились в греческой амфоре две с половиной тысячи лет. А вот позеленевшие от времени рыболовные крючки скифов. Всё это — исторические памятники.

Мы всматриваемся в них. И через дымку столетий перед нами возникают легко скользящие по морю галеры греков, слышится скрип скифских арб. Мы узнаём, как Причерноморье и Приазовье упорным человеческим трудом превращались из легендарного края смерти в благословенную житницу. Греция, а позднее и Рим, вывозили отсюда сотни тысяч пудов одного только хлеба. А рыба, а соль, а «живой товар» — рабы!



Херсонесский музей в 1911 г.

Еще в прошлом столетии взорам посетителя "Херсонеса" были открыты только поздние слои — византийско-христианской эпохи, когда город был полон храмов, но занимал сравнительно небольшую площадь. Раскопками занимались тогда церковные деятели и монахи. В советское время обратились к показаниям древнего географа, ученого грека Страбона. «О! город. — сказали советские археологи, — был тогда порядочных размеров!» И ученые стали расширять площадь раскопок во Есе стороны. Из земли появились римские склепы, дома эллинистической эпохи (III—I века до нашей эры), остатки зданий эпохи расцвета классической Греции V века до нашей эры.

Монеты, светильники, медицинские инструменты, приспособления для письма, статуэтки, посуда, жертвенники, черепицы с крыш, обломки колонн — чего только здесь не было!

Теплоход идет Керченским проливом — древним Боспором Киммерийским. Над всей Керчью господствует гора Митридата. На ее склонах рассыпались домики, у вершины белеет здание старого музея — постройка прошлого века, копия афинского храма Тезея. На самой верхушке — легендарное кресло понтийского царя Митридата; немного пониже — памятник над могилой одного из первых керченских археологов И. А. Стемпковского.

Керчь — живая древняя история, и каждый ее житель — археолог и хранитель легенд. Походите по склонам горы Митридата, и центр Бос-

порского царства — древний Пантикапей — встанет перед вами то нераскопанными руинами античных зданий и следами крепостных стен акрополя, то попадающимися прямо на земле осколками амфор, пифосов, киликов и кровельных черепиц с клеймами.

По склонам горы шагают дети школьного возраста. Они зорко всматриваются в землю. Это актив и друзья музея. Честь ряда находок — монет, черепков посуды — принадлежит им.

В кабинете Юлия Юльевича Марти, около 20 лет бесценно занимающего пост директора Боспорского историко-археологического музея, оживление. Прибыла экспедиция Академии наук СССР. Научные сотрудники В. Ф. Гайдукевич и Р. В. Шмидт торопятся узнать у местных работников последние археологические новости.

Юлий Юльевич мечтал о раскопках склона горы, где, как он предполагал, мог быть отрыт грандиозный театр античных времен. В музее он показывал нам многочисленные вещи из раскопок последних лет. Показал несколько монет и небольших мраморных плит с рельефами и надписями, обнаруженных школьниками на склоне горы, размытом после дождя.



Археологические раскопки в Херсонесе (канун Великой Отечественной войны). Видны фундаменты домов. Направо — группа рабочих-копачей.

Керчь и окрестности — неисчерпаемое поле для работ археологов еще многих поколений. Дия, Тиритака, Мирмекий, Кепы, Нимфея, Апатурия — сколько еще разных мелких поселков опоясывало древний Пантикапей! Сюда в летние месяцы съезжаются экспедиции ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы.

Мы бродим вместе с другими гостями по раскопкам Мирмекия. Скалистые кручи берега. На запад — дорога к знаменитому Царскому кургану — усыпальнице боспорского царя Левкона I.

Мирмекий был как бы пригородом древнего Пантикапея. Тут жило много рыбаков: раскопаны остатки рыбозасолочных ванн. Но в основном и прежде всего, Мирмекий — один из центров боспорского виноградарства и виноделия.

Мы у древней винодельни. Перед нами площадка, покрытая прочной красноватой цемянкой — смесью известкового раствора с толченым кирпичом. Ей примерно 1800 лет, она — римской эпохи. Сохранилась цемянка прекрасно.

Такие же винодельни нашли ученые на Камыш-Буруне — на месте древней Тиритаки. Однажды во время дождя на горе Митридата водным потоком была обнажена мраморная плита с изображением Силена — спутника бога виноделия Диониса. Как-то рабочие треста «Керчводстрой» принесли в музей крошечную головку Диониса из цветного стекла. Она была найдена ими на городище древней Нимфеи, у нынешнего Эльтигена, где



Один из залов Керченского историк-археологического музея (1941 г.)



Богиня Деметра. Роспись потолка в склепе Деметры I века нашей эры (Керчь). Слева надпись Де („Д” не сохранилось), справа — метер (повреждено „р”).

накануне войны прокладывалась новая линия водопровода. Мы вспоминаем: еще в 1902 году был открыт склеп с росписью, изображавшей кисти прекрасного черного винограда.

Свидетельства веков говорят о многочисленных виноградниках на Боспоре, о широко поставленном в древности виноделии на Керченском полуострове.

С чувством невольного уважения к старине спустились мы в знаменитый «склеп Деметры». При свете факелов со свода на нас смотрело огромное женское лицо с живыми печальными глазами — лицо великой богини жизни и земледелия. Прямо перед нами была мифологическая сцена похищения ее дочери — богини зерна Коры (Персефоны) — богом подземного мира Аидом.

Юлий Юльевич показал нам и фото прошлого XIX века с фресок так называемого «склепа Сорака, сына Сорака», или, как шутливо говорил

профессор, Сорака Сораковича. Склеп, чтобы избежать порчи фресок от врывающихся потоков свежего воздуха, был законсервирован еще тогда же, во второй половине XIX века. А потом... а потом его местонахождение затеряли!

* * *

С 1936 года напряженная работа закипела на Таманском полуострове, напротив Керчи. Раскапывался древнегреческий город Фанагория. Мы бывали и там, переправившись через пролив на утлом суденышке.

Фанагорийская археологическая экспедиция работала второй год, и ученые могли уже похвалиться значительными результатами.

Как и всем посетителям, нам показали большой глубокий колодец, сплошь заполненный черепками посуды. Что это? Быть может, девушки, черпая здесь из века в век воду, по неосторожности разбивали о края колодца свои кувшины? Нет, поясняет археолог, — в колодец бросали уже битую посуду, вероятно в связи с каким-то обрядом. Теперь, после расчистки колодца, в нем показалась вода. Ею стали пользоваться окрестные колхозы.

Дальше идет мостовая. Однажды в центре раскопной площадки натолкнулись на крепкую и высокую стену. Храм? Городской рынок? Это должны были показать дальнейшие работы. Изучение городища прервала война.

А вот домик, где нашли гребни, бусы и комочек засохших румян-Девушки, расчесывавшей этим гребнем свои волосы, надевавшей эти бусы, употреблявшей эти румяна, нет давно-давно. Нет давно и ребенка, останки которого обнаружили в одной из могил некрополя. Но радостно держит в руках археолог Ирина Марченко его игрушку — бараньи бабки.

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Профессор склонился над картой Черного моря. Седой и бородатый, он был юношески подвижен в своем синем морском кителе с золотыми пуговицами. Археолог по специальности, профессор напоминал капитана дальнего плавания.

Необычна была карта, лежавшая перед ним. Лазурью синело Черное море. Коричневато-желтым тоном были обведены его берега. Но на берегах отсутствовали знакомые всем названия портовых городов. Вместо них тут были начертаны старинные имена многочисленных греческих колоний. Карта профессора вводила нас в седую глубь веков, в древний и доселе еще мало изученный мир.

— Две трети нашей планеты покрыты водой, — с увлечением говорил ученый. — Какие замечательные и интересные образцы истории культуры хранятся на дне океанов, морей, озер и рек! Быть может, в подводных глубинах скрыта овеянная романтической дымкой сказаний Атлантида? Какие древности хранят северные реки и озера России: Ильмень, Онега, Ладога — колыбель русской истории? Что расскажут науке древние сооружения, находящиеся в Каспийском море у Баку и Дербента?



В октябре 1939 г. водолазы Эпрона обнаружили в Коктебельской бухте (близ Феодосии) древний мол и пристань. Водолазы передают профессору Р. А. Орбели поднятые изводы тесаные камни античной кладки.

Мы встретили профессора во время двухдневного пути на комфортабельном теплоходе из Феодосии в Сухуми. Рубена Абгаровича Орбели (брата директора Эрмитажа), представителя Института истории материальной культуры Академии наук СССР и консультанта Экспедиции подводных работ особого назначения (Эпрон), можно назвать пионером новой отрасли науки. Имя ей — подводная археология. Профессор объединил в себе романтическую страсть искателя древностей с реализмом ученого. Успехи подводников Краснознаменного Эпрона создали техническую базу для новой науки, и Советская страна первая в мире начала осуществлять задачу научного исследования морских, речных и озерных глубин.

До 1935 года находки древностей под водой носили случайный характер. Как-то рыбаки Черного моря наткнулись недалеко от берега на старинную пушку XV века. Покрытая ракушками и илом, она хранила в себе снаряд и порох. У Феодосии море выбросило на берег древних мраморных львов — украшение старинных ворот порта. На строительстве Днепрогэса в водах Днепра были найдены мечи воинов первых столетий существования Руси, времен похода на Византию при князе Святославе.

В 1935 году профессор Р. А. Орбели ставит перед начальником Эпрона Ф. И. Крыловым вопрос о необходимости изучения дна морей,

озер и рек с помощью водолазов. Крылов горячо откликнулся на призыв ученого.

Водолазы Одесского аварийно-спасательного отряда Эпрона по заданию ученого спустились под воду. Случай помог обнаружить первую чрезвычайно ценную находку.

Пионеры из колхоза имени Молотова, расположенного по берегу Южного Буга, во время купанья натолкнулись на большой деревянный предмет, глубоко зарывшийся в дно реки. Пятнадцатилетнего школьника Володю Глухова заинтересовала эта находка. Мальчик сообщил о ней председателю колхоза. Позже весть об этом дошла до Эпрона и археолога Орбели. На реку была снаряжена водолазная экспедиция. Через некоторое время в одном из зал Центрального Военно-Морского музея в Ленинграде появился новый экспонат — древний челн с реки Южный Буг. Научная ценность этой находки чрезвычайно велика. По самым приблизительным подсчетам, челн этот, сделанный из цельного куска дуба, пробыл под водой 3—3 1/2 тысячи лет. Он был сооружен одним из древнейших народов нашей страны и по качеству выделки значительно превосходил аналогичные образцы позднейших завоевателей-норманнов.

Успех первой экспедиции окрылил ее организаторов. В древней Ольвии водолазный инструктор Токаревский и старший водолаз Титаренко установили под водой местонахождение гавани, портового сооружения и причала старинных кораблей. Жители прибрежной полосы вспомнили о том, что в тихую погоду в море у Херсонеса ясно виден под водой идущий от берега старинный мол. Начали поступать сведения от рыбаков о виденных ими под водой старинных кораблях и сооружениях.

На карте Черного моря — этой первой зоны исследований — появились отметки о местонахождении древностей. Профессор занялся составлением археологической карты подводных богатств.

— Я хочу, — говорил он нам, — направить поиски в русло плановой научной работы.

Ученый неутомимо прокладывал широкие пути для новой науки — подводной археологии, разрабатывал методику подводных исследований.

В пути рассказывали, что в тихую и ясную погоду жители Сухуми любят необыкновенным зрелищем. Нам повезло. В этот день морская зеленая бухта была особенно прозрачна. И вот от старой крепости и до реки Келасури — почти на пять километров по берегу и на один километр вдаль — под водой протянулись зыбкие, колеблющиеся видения древних руин. Они покрыты устрицами и целыми лесами водорослей. И всё же мы начинаем различать башни, столбы, какое-то большое здание, быть может храм или дворец. . . Налетает небольшой шквал — и видение исчезает.

Говорят, что еще в девятисотых годах некоторые развалины были совсем неглубоко под водой, а при сильном волнении показывались и над поверхностью. Тогда не было нынешней набережной, и волны ложились прямо на песок. Купающиеся находили на пляже монеты — золотые, серебряные и медные. Монеты имели надписи и изображения Александра Македонского, Юлия Цезаря, Антония, Константина и Елены и многих

других древних владык. Иные монеты были украшены изображениями различных животных и птиц. Как-то раз волны вынесли на берег драгоценную золотую диадему.

Дары моря и свидетельства старинных книг говорили о древней Диоскурии. Уже много столетий назад море, постепенно захватывающее побережье, погребло город под своими водами. По словам грека-географа Страбона, Диоскурия была когда-то настоящим складом товаров для всех народов Колхиды и соседних областей. Страна давала огромные урожаи хлеба, винограда, фруктов. Лес, зерно, бараньи шкуры увозились отсюда на далекий Запад.

В I веке до нашей эры Колхиду и Диоскурию захватил понтийский царь Митридат. Но скоро уже в Диоскурии зимует со своими войсками знаменитый полководец Помпей — представитель жадного рабовладельческого «всемирного города» Рима. А там — византийцы, генуэзцы, турки. . .

Кто знает, какие еще увлекательные страницы истории откроются нам в ближайшие годы?

* * *

День кончен. Вечер. Темно. А в лабораториях и канцеляриях, даже в общежитиях археологических заповедников и раскопочных площадок работа не прерывается. В Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, Танаисе — везде молодые ученые и их учителя вновь спорят, рассматривают и определяют свои сокровища, наносят на план разработанные за день участки и находки на них.

И всем, кто умеет их слушать, остатки древней материальной культуры рассказывают безмолвную правдивую повесть о далеком прошлом человечества и нашей родины.

III

ИЗ НЕБЫТИЯ ВЕКОВ

ВОСКРЕСШИЙ ХЕРСОНЕС

В детстве я очень любил игру в кубики. На полу рассыпано десятка два-три разноцветных кубиков. На одной грани — кусок лисьего хвоста, на другой — волчий глаз, там — чья-то лапа, здесь — цветок или гриб. Вы ищете, прикладываете один кубик к другому. И наконец перед вами целая картина.

Позже я увлекался фотографией. Днем я шелкал аппаратом, снимая школьных товарищей, учителей, набережную реки, городской сад, бабушку. Ночами, при таинственном свете красного фонаря, как говорил отец, — «плескался». Это значило: я проявлял полученные негативы в целлулоидных ванночках, до краев залитых проявителем. На бледнозеленой пленке, покрывающей стекло, из небытия возникали узоры листьев сада, черты знакомых лиц...

Я вспомнил о далеких детских забавах здесь, на раскопочных площадках древних городов. Археолог тоже вызывает из небытия прошлое. Он смотрит на невзрачные битые черепки и монеты, кирпичи и плиты, сравнивает их, изучает, а затем читает, как раскрытую книгу. И перед вами проходят яркие, живые картины.

Жаркий, знойный день. Он клонится уже к вечеру. Над синим морем повисает прозрачная дымка. Из прохладных зал Херсонесского музея мы переходим на городище, бродим по мостовой, входим в дома и склепы, вновь возвращаемся к витринам. И картины умершей цивилизации вновь воскресают перед нами в обломках мрамора, вазах, надписях, статуях, фундаментах домов, остатках бань, колодцах, хоамах, цитатах из древних авторов.

...В гавани стоят суда из самых далеких стран. Палуба и трюмы забиты пифосами и амфорами с маслом и вином. В ящиках теснятся золотые

и серебряные вещи, пестрые стеклянные бусы, дорогие ткани, железные и медные шлемы, узорчатые деревянные ложа, точеные деревянные гробы, бронзовые и мраморные статуи. Часть покупают тут же, на месте, граждане города. Кое-что отвергают: «И у нас уже производят это!». Ну что ж, это пойдет в далекие степи, к скифским и сарматским владыкам. В разгруженные корабли сыпается золотистое зерно, складываются тяжелые кожи, втаскиваются глиняные бочки, полные соленой рыбы...

Бойко шла торговля в Херсонесе, куда везли свои товары все жители горного и степного Крыма. Не отставала и Ольвия при устье Буга и Днепра: туда свозили всё, что производило население приречных степей. В Пантикапей шли товары с берегов Азовского моря, из соседних благодатных степей Крыма. Рос, богател и молодой Танаис в устьях Дона.

Откуда пошли эти города? Как они жили?

Мы бредем к Карантинной бухте. Она самой природой чудесно защищена от морских волнений и бурь. Так вот оно — место первоначальной торговой фактории!

Когда смотришь на городище Херсонеса, поражает его правильный план. Видишь и бурный рост города. Вот прямая, как стрела, главная улица, вот центральная площадь. Но городище идет дальше, территория города расширяется до Песочной бухты, Херсонес захватывает весь мысок, его площадь уже 42 гектара. Слово «херсонес» по-гречески значит — полуостров. Так называли город, но так иногда называли и весь Крым. Ведь в том же IV веке Херсонес уже подчинил себе не только весь Гераклеийский полуостров, но и всё западное побережье Крыма с портами Калос Лимен (Прекрасная Гавань, близ нынешнего Перекопа) и Керкинитиды (ныне Евпатория).

В конце IV — начале III веков до нашей эры Херсонес из торговой фактории окончательно превращается в рабовладельческий город-государство. Это был для того времени большой и многолюдный город; греки, тавры, скифы населяли его: об этом говорят имена на найденных при раскопках надгробных плитах.

Экономической базой Херсонеса являлся Гераклеийский полуостров. В античное время весь он был занят виноградниками. Но предоставим снова слово вешам. Вот надпись на памятнике в честь Агасикла. Он размежевал виноградники херсонеситов на равные, геометрически правильные участки четырехугольной формы. Пройдитесь по Гераклеийскому полуострову, по местам раскопок последних перед войной лет. Вы ясно увидите заметные и по сей день следы этих участков. Во многих местах до сих пор попадаются каменные большие тарапаны для давки винограда.

На складах вино хранилось в огромных сосудах — пифосах. Тарой для перевозки вина и мерой объема служили сосуды поменьше — амфоры, на ручках которых часто имеются клейма астиномов — должностных лиц, проверявших меры веса и объема. Целые пифосы и амфоры хранятся в музее. А сколько осколков и черепков можно насобирать на городище!

Перед нами надгробная плита. На ней вырезано изображение виноградного ножа. Там, где должно быть имя покойника, одно лишь слово: «дулос» — раб. Да, главной рабочей силой в виноградарстве были рабы.

Их было много. Для рабовладельца это были лишь «говорящие орудия». Раб умирал, его хоронили. Но как же его звали? Никто не помнил или не знал. На плите писали — раб.

Всякий археолог должен быть в какой-то мере и зоологом. Перебирая кухонные отбросы, кости и рога, археолог говорит: херсонеситы занимались скотоводством. Зоолог скажет: вот кости коров, овец, коз, свиней, лошадей, собак. Хранитель музея покажет вам изображения домашних животных и птиц на глиняных лампочках, скажет, что найденные на полуострове рог оленя и клыки кабана указывают на занятие населения охотой. И вы полюбуетесь живыми изображениями на тех же светильниках целых сцен охоты.

Херсонес обдували соленые морские ветры. Морские волны рассыпались брызгами пены у скал Херсонеса. Херсонеситы занимались и рыболовством. Нам показывают много раскопанных рыбозасолочных цистерн. Они расположены группами; значит, рыболовство в эпоху I века, к которой они относятся, находилось в руках крупных рыбопромышленников. На дне цистерн — какая-то труха. Это не просто труха, говорят нам: она длежала тысячелетия. Ее исследуют в лабораториях. И что же? Это, оказывается, остатки кефали, скумбрии, осетра, камбалы и больше всего — хамсы. Основным питанием рабов и бедноты была хамса.

Херсонеситы славились обработкой металлов. Железо сюда шло из Малой Азии, медь и серебро — с Кавказа, драгоценные металлы — из Греции. Было в Херсонесе литейное дело: в музее выставлены найденные тигли из огнеупорной глины и матрицы для отливки предметов. О существовании слесарного, кузнечного и медеплавильного дела говорят ножи, гвозди, пряжки херсонесского производства. Начиная со второй половины IV века, в Херсонесе производилась чеканка монет: за несколько лет до Великой Отечественной войны раскопки открыли монетный двор.

Мастерские принадлежали рабовладельцам; в них работало до 20 рабов в каждой. Но существовали и мелкие свободные ремесленники. Они в основном были заняты кузнечным, ювелирным, сапожным, прядильно-ткацким делом. В музее Херсонеса хранится много пряслиц, игл, наперстков, кусков полуистлевшей ткани. В 1934 году было раскопано помещение с чанами, на дне которых сохранились остатки минеральных красок: было, значит, красильное производство.

Нас приглашают испробовать «слоеный пирог веков», — так шутит научный сотрудник музея. «Смотрите, — говорит он, — с начала своего существования Херсонес усиленно развивает торговлю с ионийскими городами: перед вами целые россыпи ионийской керамики в слоях V века». В конце V и начале IV веков до нашей эры устанавливаются оживленные торговые связи с Афинами: в этих слоях городища начинается обширная аттическая керамика. С IV века развиваются и в течение ряда веков становятся постоянными тесные торговые связи Херсонеса с городами южного побережья Черного моря — Гераклеей, Синопой, Амисом, Трапезундом. Херсонес вывозил хлеб, вино, виноград, рыбу; привозилось оливковое масло, фрукты, синопская черепица, железо. В III—II веках херсо-

неситы привозили с островов Фасоса, Родоса хорошие сорта вин. Безмолвными «свидетелями этой торговли в музее Херсонеса являются многочисленные фрагменты амфор и черепиц с клеймами Синопы, Гераклеи, островов архипелага.

Херсонес поощрял торговцев-иностранцев: в простенке у окон — проксения, декрет о присвоении почетного гражданства Тимагору — родосцу.

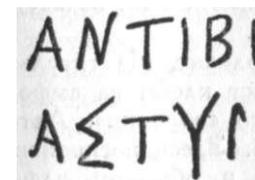
**

Археологи любят находить «не свои» вещи. Археологи Херсонеса особенно рьяно искали на своем городище обломков амфор ольвийских, пантикапейских, синопских, родосских; наоборот, амфорными ручками с херсонесскими клеймами интересовались археологи Ольвии, Керчи, ряда других заповедников и городищ. Для всех их это было своеобразное торжество. Ведь эти находки рассказывали о связях «их» городов с широким миром. Если херсонесские амфоры попадали за пределы Херсонеса — в греческие города северного и южного Причерноморья, к местному населению Крыма, — значит, — говорили ученые, — виноделие в Херсонесе, торговля действительно имели большой размах.

Самое полное собрание херсонесских амфорных ручек хранится сейчас в Херсонесском музее. Но и в других собраниях — в Одессе или в Ленинградском Эрмитаже — вы сразу узнаете их. Характерна уже самая форма клейма: неправильный прямоугольник, как бы вдавленный по бокам. Штамп сильно, до порчи оттиснутых букв, вдавливали в сырую глину амфоры перед ее обжигом. Выдает херсонесское происхождение клейм и их дорический, «акающий» диалект: Херсонас, дамиург.

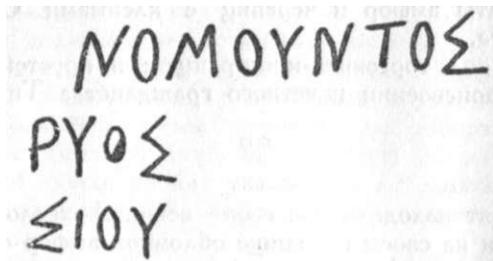
Амфорные ручки в большинстве попадают битые. Учтите к этому плохое качество оттиска. Имена многих астиномов и фабрикантов приходится угадывать.

Что, например, значит этот текст:



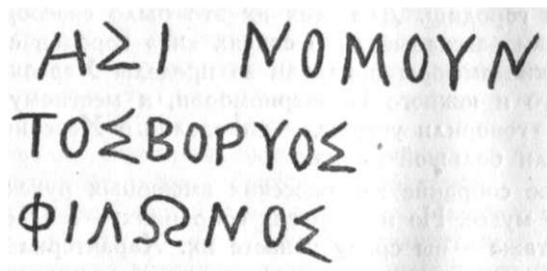
Это, кстати, наиболее просто. Это — клеймо «Антибиона — астинома». Эта ручка от херсонесской амфоры была найдена в Керчи. Аналогичное клеймо херсонесского астинома Аполлония нашли на ручке, раскопанной в Ольвии. Имя астинома Гереа стояло на ручке херсонесской амфоры, обнаруженной в Евпатории.

А вот уже дело немного сложнее.
Что значит такая, например, надпись:



ΝΟΜΟΥΝΤΟΣ
ΡΥΟΣ
ΣΙΟΥ

Или такая:



ΑΣΙ ΝΟΜΟΥΝ
ΤΟΣΒΟΡΥΟΣ
ΦΙΛΩΝΟΣ

Рядом с текстом здесь оттиснуты также изображения головы в венце лучей. Это — бог солнца Гелиос. Эти ручки происходят из Керчи, с раскопок городища Пантикапея. На других южнорусских ручках часто попадаются также изображения женской фигуры с факелом, Силена с мохом вина на плече, носа корабля, бюста юного Геракла в львиной шкуре, Гермеса, богини победы Ники с венком в руке.

Трудны были первые шаги ученых. Материала было масса. Люди буквально тонули в вещах. Какой-либо систематизации не было и в помине. Но трудами ряда поколений специалистов к услугам современных исследователей созданы особые каталоги. Это, зачастую, ценнейшие путеводители во мраке времен.

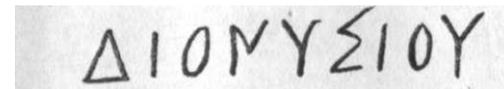
Перед нами огромный фолиант. На титульном листе читаем сухое заглавие: «Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания». Автор — Е. М. Придик.

Это замечательная книга. Здесь воспроизведены фото самих клейм. Здесь дана их расшифровка в обычном алфавите и указана разгадка, то есть каждая надпись дополнена недостающими буквами. Мало того: в конце каталога приложены указатели встречающихся имен астиномов, эпонимов, фабрикантов, дамиургов, мест изготовлений и находок, изображений, монограмм.

Посмотрим на первое из керченских клейм.

В первой строке явно угадывается наименование должности астинома, в родительном падеже. Не сохранилось начало слова: «асти».

Вторая строка должна дать имя астинома, третья — имя фабриканта. На втором керченском клейме слово «астинома» сохранилось полностью, только поврежден верх первых букв да стерта четвертая — «и». Конец слова перенесен во вторую строку и по старинной манере — без пробела — примыкает вплотную к следующему слову, как раз имени астинома. Это — Борюс. Сравним с первым клеймом. Да, там тоже Борюс, только не сохранился первый слог. А фабриканты? Во втором случае — Филон. Для выяснения первого надо порыться в указателях каталога. Вот имена известных херсонесских и боспорских астиномов и фабрикантов: астиномы — Эсхин, Аполлонид, Никей, Бабон, Архандр, Гнатон, Аристон, Борюс; фабриканты — Артемидор, Филон, Эвклид, Гераклид, Диоскурид, Дионисий. Вот! Дионисий — в родительном падеже это и будет:



ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ

Вторая строка должна дать имя астинома, третья — имя фабриканта. На втором керченском клейме слово «астинома» сохранилось полностью, только поврежден верх первых букв да стерта четвертая — «и». Конец слова перенесен во вторую строку и по старинной манере — без пробела — примыкает вплотную к следующему слову, как раз имени астинома. Это — Борюс. Сравним с первым клеймом. Да, там тоже Борюс, только не сохранился первый слог. А фабриканты? Во втором случае — Филон. Для выяснения первого надо порыться в указателях каталога. Вот имена известных херсонесских и боспорских астиномов и фабрикантов: астиномы — Эсхин, Аполлонид, Никей, Бабон, Архандр, Гнатон, Аристон, Борюс; фабриканты — Артемидор, Филон, Эвклид, Гераклид, Диоскурид, Дионисий. Вот! Дионисий — в родительном падеже это и будет:

**

Вещи рассказывают, если уметь их

Наивысшего расцвета Херсонес достиг в III веке до нашей эры. Это было время полной его самостоятельности и наивысшего подъема культуры и искусства. В это время город, особенно центр его, блещет архитектурой общественных зданий — храмов, дворца совета, театра. О былом величии и сейчас говорят отдельные предметы городища: мозаичный пол, колонны, капители, многочисленные статуи богов, героев, высеченные на мраморе почетные декреты в честь знатных граждан города и его друзей иностранцев. Ничего вычурного, ничего кричащего. Суровы и просты линии. Спокойное величие — так можно было бы охарактеризовать искусство Херсонеса этого времени.

Это искусство питала рабовладельческая демократия: Херсонес эпохи расцвета был рабовладельческой демократической республикой. Высшим законодательным органом, государственной властью было народное собрание, куда входили все свободные граждане города. Высшим исполнительным органом был совет, ежегодно избиравшийся народным собранием; он подготовлял проекты постановлений и выносил их на обсуждение граждан.

Даже бегло просматривая разные тексты из Херсонеса, видишь, как был разветвлен и гибок административный аппарат. Узнаешь, что в городе⁴³ были, входили в совет, подчинялись собранию граждан и отвечали перед ним: коллегия архонтов — военачальников; коллегия дамиургов — «хранителей строя государства»; коллегия номофилаков — «стражей закона»; продик — юрист; базилевс — «царь» — главный жрец, представитель госу-

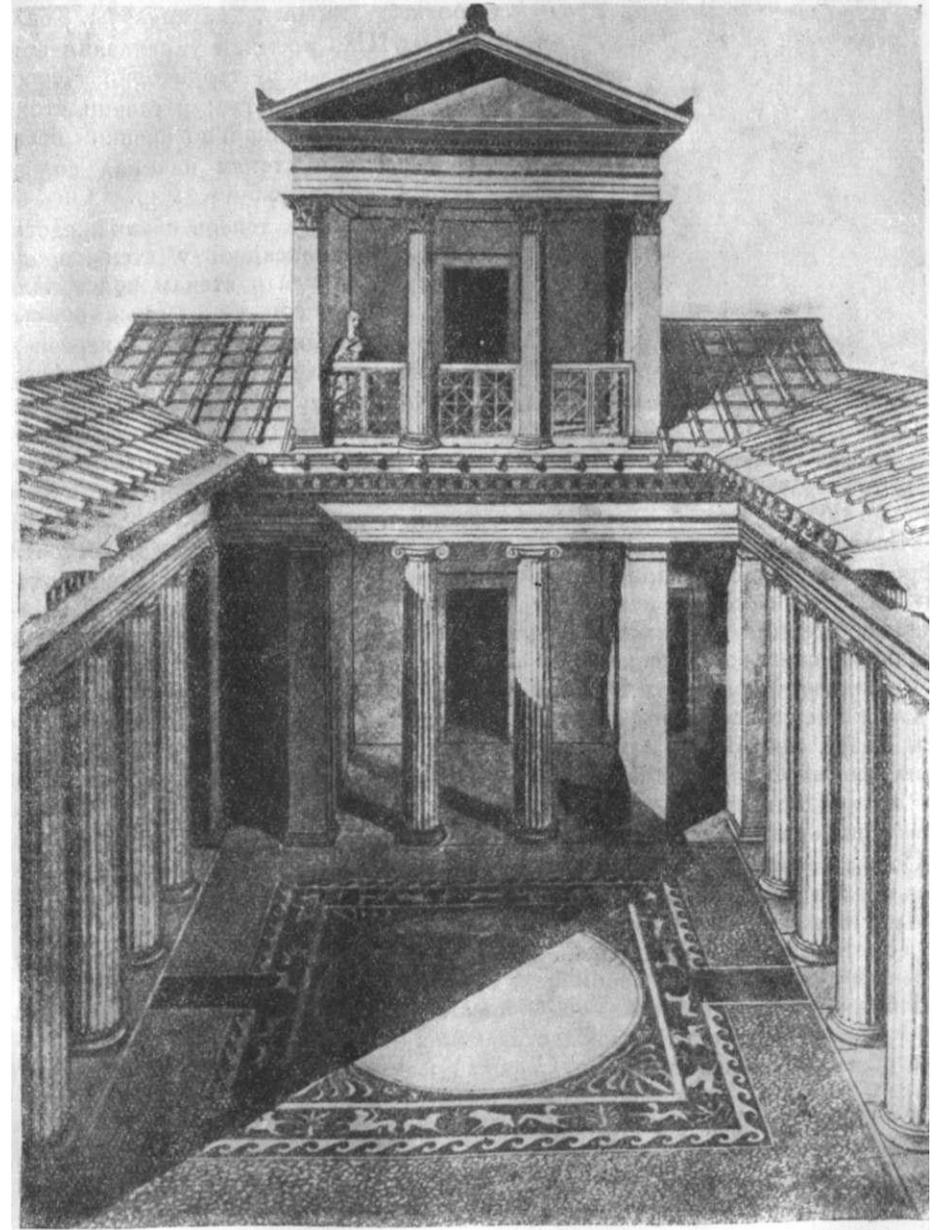


Главная крепостная стена Херсонеса. Снимок 1941 г.

Херсонеситы гордились своим городом и имели своего историка. В конце III века некий Сириек в литературной форме обработал рассказы про явления и чудеса богини Девы, которые записывались жрецами при ее храме. Рассказы о чудесах богини Сириек дополнил историческими рассказами о внешней политике Херсонеса, о договорах с Боспорским царством и другими греческими городами-государствами. Свое произведение Сириек прочел на собрании граждан. Произведение так понравилось, что автор тут же был пожалован почетным декретом и награжден золотым венком.

Труд Сириеска до нас не дошел. Сохранилась лишь найденная на городище плита с почетным декретом. Она стоит на видном месте в Большом зале музея. Из упоминания в декрете о заключенных Херсонесом договорах с другими греческими городами видно, что Херсонес был в водовороте международной политики государств и народов Крыма, отдельных его соседей, и государств-городов греческой метрополии.

Когда автобус доставляет вас от Севастополя к Херсонесу, вы прежде всего замечаете крепостные стены. Стены эти начали строить еще в IV веке, а окончили лишь в конце III века до нашей эры. Остатки их хорошо сохранились и сейчас откопаны полностью. Одна стена шла от Карантинной бухты до Песочной и отрезала мысок от остальной территории. Другая тянулась по берегу моря. По стенам, на определенном расстоянии друг от друга, шли башни. Это были наблюдательные пункты и пункты оперативного руководства обороной. За этими стенами прятался



Внутренность Ольвийской виллы в эпоху эллинизма. Реставрация. Так выглядели дома крупных рабовладельцев и в Херсонесе, и на Боспоре.



Херсонесская монета с изображением богини Девы.

лись и из-за этих стен выползали грозные тараны, катапульты, баллисты. Шло время, и укрепления возводились по всей территории Херсонесского государства; в гавани стоял наготове небольшой, но крепкий военный флот: в степях начинал волноваться «варварский» мир. Он не только посылал теперь своих представителей на кипевший у стен города рынок. Иногда к стенам подступали и осаждали город степные воины. Туго приходилось тогда херсонеситам.

Херсонесу нужны были воины, и он воспитывал их. С 14 лет мальчики занимаются в гимнастических школах бегом, борьбой, метанием копий и дисков.

Военным делом занимались все свободные граждане города; состоять в ополчении было не привилегией, а прямой обязанностью. На вооружении были мечи, копья, луки и стрелы, щиты, панцыри и шлемы. Мы видим изображения этого вооружения на надгробных плитах; при раскопках находим и само вооружение.

Граждане Херсонеса, Ольвии и других греческих городов Причерноморья жили по греческим обычаям. В Греции были те же народные собрания, совет, знакомые нам должности архонтов — председателей совета, басилевсов-жрецов, полемархов, агораномов. Ольвиополиты и херсонеситы» так же как и греки далекой метрополии, увлекались спортом, устраивали состязания, раздавали призы.

Своих покойников хоронили совсем по-гречески: сжигали тело, складывали прах в урну, зарывали ее в могилу и ставили над ней простой мраморный или каменный памятник с именем и изображением покойного, иногда со стихотворной эпитафией. Самых заслуженных хоронили на общественный счет, иногда в гробницах, вделанных в городскую стену.

Помнили греки-причерноморцы писателей метрополии, наизусть читали великие поэмы Гомера, на представлениях в театрах аплодировали актерам, разыгрывавшим трагедии Софокла и Еврипида, хором пели родные гимны.

Гордились они и своими городами-государствами. Наиболее ловкие и сильные ездили в далекую Грецию, выступали на тамошних празднествах и состязаниях и, увенчанные лаврами, возвращались домой. Ими гордился весь город: ведь они прославляли свое государство. Победитель, радостный, сходил с корабельных мостков в родную гавань, прижимая к груди драгоценную награду — бронзовую вазу с надписью. «С праздника Анакии» гласила надпись. Имя херсонесита снова было у всех на устах там.

в Афинах! Нам показали в музее эту вазу; она была найдена при раскопках в одном из подстенных склепов. Ее время — IV век.

Чтили граждане не только родных богов, но и местные божества — богов-покровителей их новой родины: грозную богиню Деву — в Херсонесе; героя Ахилла, владыку морей — в Ольвии, того Ахилла, который, по рассказам моряков, живет на полном легенд и чудесных явлений Белом острове напротив устья Дуная; богатыря-дорийца Геракла, покровителя города-«матери» — Гераклеи. Они строили им храмы, ставили статуи, приносили богатые жертвы, сооружали алтари.

Граждане были преданы своему городу. Ведь в тяжелые годы изгнания из далекой Гераклеи прибыли они сюда на легендарный, негостеприимный север. Они боролись с бурным, широкошумящим морем. Своими руками созидали стены города. Охотились на диких зверей, от которых так страдали стада их овец. Разводили виноградники. Заводили сношения с суровыми таврами и скифами, самый язык которых был так далек от привычного им «благозвучного» греческого. Родной язык ведь всегда кажется самым благозвучным...

И вступающий в совершеннолетие херсонесит торжественно клялся в верности городу, призывая в свидетели не только местную богиню Деву, но и богов общегреческих: Зевса, Землю, Солнце, всех богов и богинь олимпийских.

ОБРАЗЫ СКИФИИ

Бесконечная степь, зыбкие ковыли. На маленьких выносливых лошадях скачут вооруженные всадники, вздымая облака пыли. Впереди — стада овец, коров и быков, табуны лошадей, сотни пастухов. Дальше, скрипя и колыхаясь, движется целое море грузных, тяжелых, четырех- и шестиосных телег, запряженных быками. На телегах — кибитки из шкур и войлока, то круглые, то конусообразные, то бочкообразные или пирамидальные, непроницаемые для дождей и ветров, подобные домам с двумя или тремя отделениями-клетушками. В палатках — женщины и ребятишки, семьи всадников. За телегами, овеваемые пылью, пешком плетутся жены и дети рабов-пастухов.

Ночь. Привал. Если близок водопой, много травы, — можно разбить лагерь на две-три недели.

Зима. Всё покрывается пушистым белым снегом. Тогда кочевья передвигаются к югу. От холода спасали меховые одежды. Согревали костры, жаровни. Спрятаться можно было в юрту, закрываясь отовсюду шкурами и войлоком.

Скифские кочевья и поселения охватывали обширные пространства: на юго-западе — до Полтавщины и Киевщины включительно, на севере — до Воронежской области. Реки Волга, Дон, Днепр, Буг, Днестр способствовали развитию рыболовства, служили путями сообщения.

Об обычаях скифов афинский историк Геродот, живший в V веке, посетивший Скифию, рассказывал следующее:

«Так как скифская земля очень бедна лесом, то скифами придуман следующий способ варения мяса: содрав с животного кожу, очищают кости

от мяса, затем кладут его в котлы туземного изделия, если таковые случится иметь; эти котлы более всего походят на лесбосские чаши, только гораздо больше их; вложив мясо в эти котлы, зажигают кости животных и на них варят мясо. . .».

«Пьют скифы кобылье молоко и едят иппаку — сыр из кобыльего молока», — дополнял сообщения Геродота другой древнегреческий ученый Гиппократ.

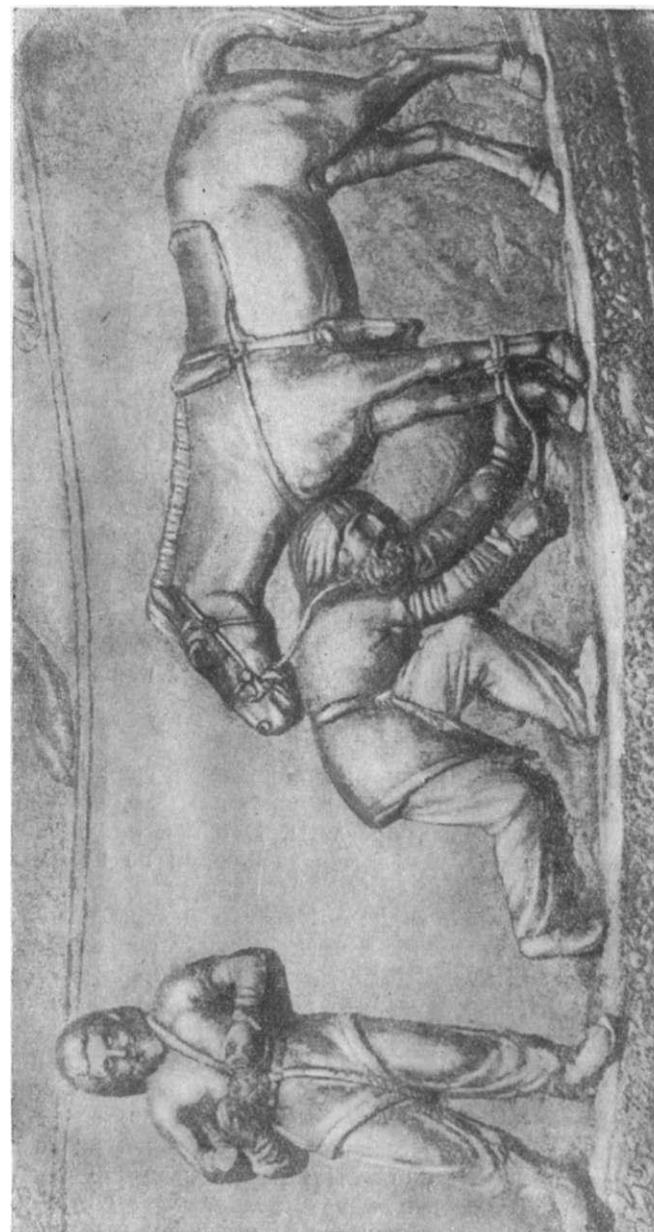
В кочевьях и войнах проходила жизнь скифов. В походах особенно развивалось чувство дружбы и взаимной выручки. Некоторые навек закрепляли побратимство специальным обрядом: крепко обнявшись, пили они вдвоем из одного рога вино, в которое перед этим капали немного своей крови из надразов на руках. Был ранен товарищ — его друг бережно осматривал поврежденную челюсть или перевязывал рану на ноге, как это изображено на Куль-Обской вазе. В минуты грозивших опасностей на защиту племени подымались все как один; мужчинам помогали женщины — сильные, ловкие, смелые воительницы.

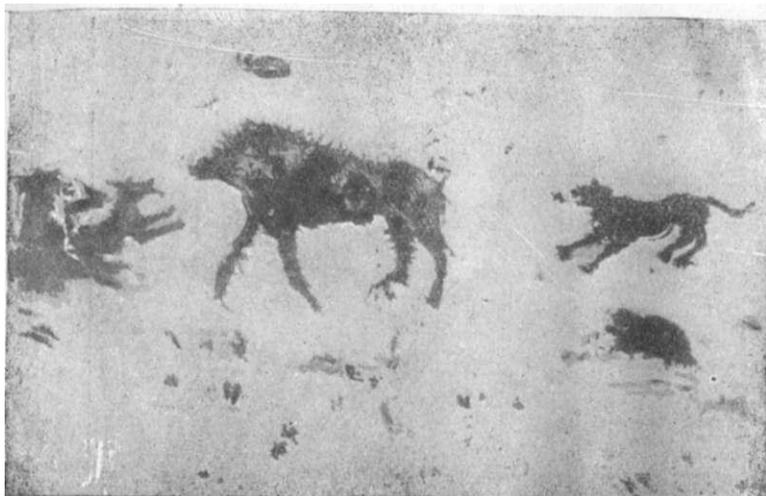
«Их женщины, — писал Гиппократ, — ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимым поголовно выступить в поход».

О скифских похоронах подробно говорит Геродот:

«Когда у них умрет царь, здесь выкапывают большую четырехугольную яму; изготовив ее, намазывают труп покойного воском, разрезают живот, вычищают его, наполняют рубленным купером, ладаном, семенами сельдерея, анисом, затем снова зашивают, берут труп и на повозке везут к другому племени. Те, к которым привезут покойника, делают то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку. Оттуда везут на повозке труп царя к другому подвластному им племени, при чем те, к которым приезжали раньше, следуют за ними. Объехав таким образом с трупом всех, они приезжают к геррам, которые изо всех подвластных народов живут на самой отдаленной окраине и в земле которых находится кладбище. Здесь кладут труп в могилу на подстилке, по обеим сторонам его втыкают колья, на них кладут доски и покрывают их камышом, а в остальном пространстве могилы хоронят одну из жен царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, вестника, повара, конюха, слугу, лошадей, по отборной штуке всякого другого скота и золотые чаши (серебро и медь вовсе не употребляют); после всего этого они все вместе насыпают большой курган, всячески стараясь сделать его как можно больше».

Сквозь небылицы в рассказах греков просвечивала и правда. Помните курган, раскопанный Забелиным? Или Куль-Обский курган под Керчью? Эти племена скифов — «царских», как их называл Геродот, — в своем историческом развитии поднялись уже до своего «варварского» государства, они подошли уже к порогу цивилизации — этой высшей из трех ступеней





Скифская фреска из склепа под Симферополем. Охота на кабана.

человеческой культуры, установленных Энгельсом.¹ А сколько скифских курганов и могильников еще разбросано по причерноморским степям, сколько вещей из них еще выйдет на дневной свет из-под лопаты археолога!

Шли годы. Часто в пределах кочевий появлялись греки. С берегов бурного Черного моря привозили они сюда вино и масло, оружие и посуду, зеркала и бусы, кольца, серьги, браслеты. В обмен брали шкуры быков и овец или пленников-рабов, захваченных скифами во время набегов на соседние племена.

Богатели племенные вожди скифов. Золотом и серебром стали гореть их столы, в золотых и серебряных кубках разносили на пирах греческое тонкое вино. На колчане, полном стрел, скифские мастера изображали разные бытовые сценки. Богато одевались жены и дочери вождей.

Первые греческие поселения были малолюдны. В бедных домишках, за наскоро насыпанными земляными валами, их жители чинили свои сети и крючки, потрошили и солили осетров и белуг и набивали ими огромные глиняные кувшины — целые глиняные бочки.

Но росли и ширились эти поселения. Строились каменные дома, а вокруг городов — крепкие каменные стены. Пришельцы уже бороздили плугами богатый чернозем, сеяли пшеницу и полбу. Всё более укреплялись торговые связи их со скифами — кочевниками и земледельцами.

¹ В „Происхождении семьи, частной собственности и государства“ Ф. Энгельс указал на эпохи „дикости“, „варварства“ и „цивилизации“, как ступени развития культуры человечества.



Золотой гребень с изображением скифского царя и его дружинника, сражающихся с врагом. Гребень найден в гробнице скифского царя, в так называемом кургане Солохи, у берегов Днепра.

В эту эпоху скифы оседали целыми племенами. Бывших пастухов их господа делали пахарями. Сами превращались в крупных землевладельцев и торговцев хлебом. Еще больше стало у них золота и серебра. Им мало стало просто покупать. Они теперь заказывали грекам вещи по своему вкусу. На серебряном кувшине для кумыса греческий художник изображал любимые табуны с конюхами. На золотом гребне можно было видеть самого владыку на коне, борющегося с врагами и побеждающего их.

Греческие художники подолгу жили среди скифов, изучали их быт, правдиво воплощали всё виденное в произведениях искусства. Появились и многочисленные скифские мастера. Как живые, встают теперь перед нами древние народы нашего Юга во всем разнообразии их жизни: на войне, и на пиру, и среди своих табунов. Вот вожди приносят жертву своей великой богине или получают от нее власть, вот они судят и рядят, заключают договор дружбы, вот всадники мчатся по степи в погоне за быстрым зайцем, или юноши состязаются в честь божества на его празднике. Встают перед нами жены вождей в расшитых золотом платьях, увешанные роскошными ожерельями и браслетами, в богатых головных уборах, с тяжелыми серьгами в ушах и на висках.

Но скифские рабы и рядовые общинники попрежнему пили из грубых, еле обожженных горшков; вместо вина им доставался кумыс; частенько гуляла по их спинам нагайка их господина; простая шкура покрывала их плечи.

Иногда этих простых людей владыка продавал или менял грекам. Когда-то в старину, во времена Гомера, у греков рабы даже входили в семью хозяина и ели за одним с ним столом. Потом, в V веке до нашей эры, рабы работали в ремесленных мастерских — эргастериях — и на каменоломнях, и их считали только «говорящими орудиями».

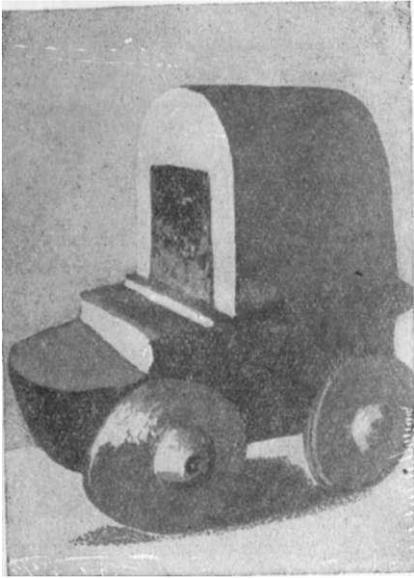
А некоторые рабы, вывозившиеся в метрополию, продававшиеся на грандиозных рынках рабов, вроде острова Делоса в архипелаге, попадали в Афины — всегреческий культурный центр V века. Скифы славились в Афинах как сильные и выносливые работники. Одни из них работали, нередко до изнурения, в тесных эргастериях или на крестьянских нивах. Другие назначались в смотрители уличного порядка: в Афинах были специальные скифские отряды городской охраны. Скиф — блюститель порядка — частый образ в комедиях Аристофана.

В самом Херсонесе найдена амфорная ручка с клеймом астинома по имени Скиф. Видимо, отпущенный на волю, он своим умом и деятельностью добился высокого положения в греческой рабовладельческой республике.

В соприкосновении с античностью скифы не утратили своеобразие культуры, не оставили своих обычаев, даже не изменили костюма. От греков они усваивали передовое, творчески перерабатывая его, обогащая свою культуру. Нередко у скифов учились греки: в греческом искусстве появились скифские мотивы; греки-причерноморцы стали изображать не только богов и героев, но и простых людей, даже рабов. А в эллинистической и римской литературе идеалом стал образ «скифской воли».



Электронная вазочка из Куль-Обского кургана под Керчью. Хранится в Эрмитаже. Изображен скиф, перевязывающий ногу раненому товарищу.



Глиняная детская игрушка — кочевническая кибитка (Керченский музей).

Культура сильная и своеобразная росла в причерноморском крае, в приднепровских степях, в горах Крыма. Скифам предстояло большое историческое будущее...

В 1946—1947 гг. под Симферополем работала археологическая экспедиция под руководством московского профессора П. Н. Шульца. Она открыла здесь городскую культуру скифов II века до нашей эры, о которой наука до сих пор почти ничего не знала. В раскопанном Неаполисе — столице крымских скифов — оказались монументальные сооружения, прекрасная скульптура, великолепная настенная живопись, о существовании которой у скифов вообще не подозревали.

В одном из склепов на стенах был нарисован ковер в виде шахматной доски, скиф с лирой в руках, всадник, держащий копьё, охота на кабана.

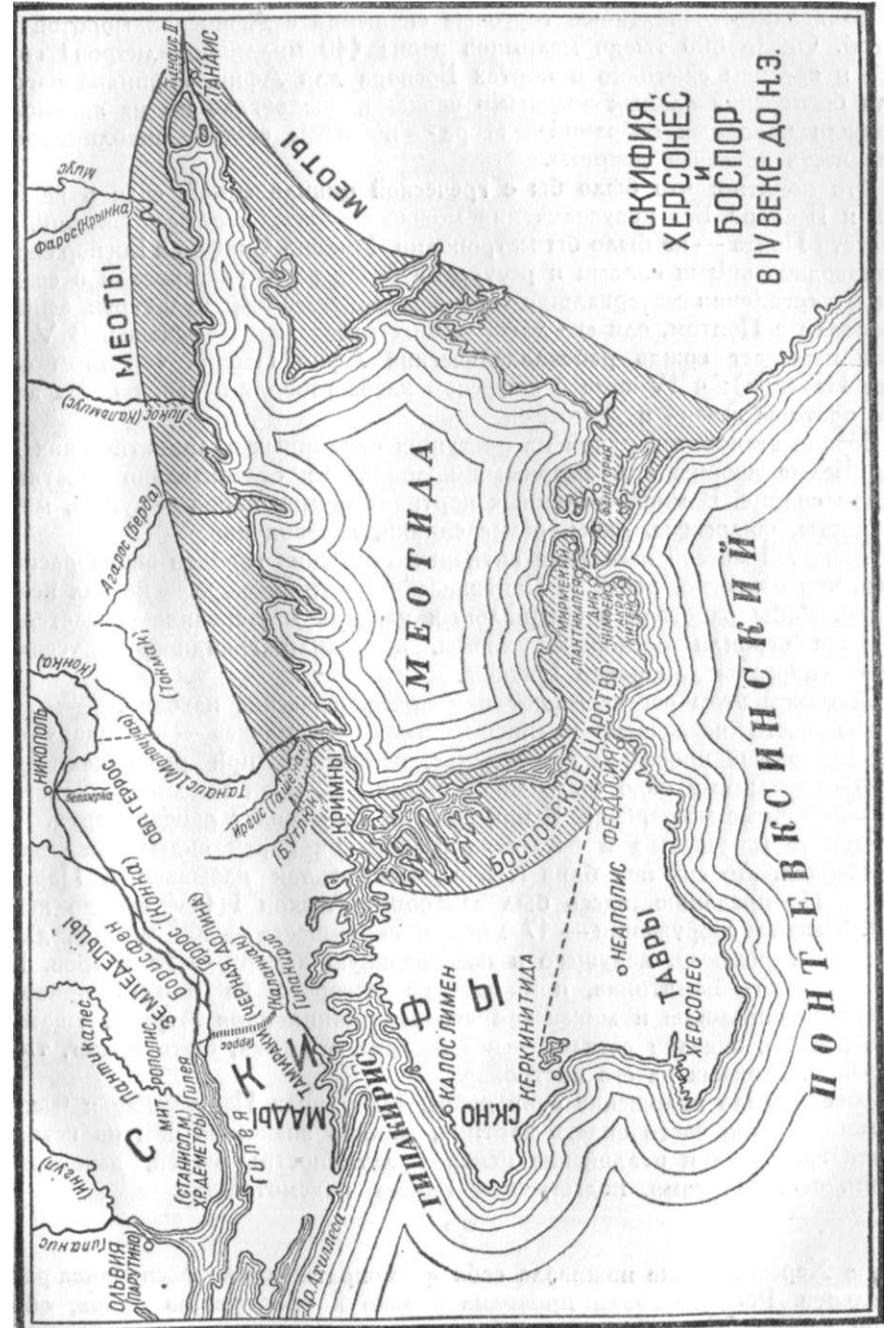
Скифские художники пользовались только тремя красками: черной, красной и желтой. Но они создали живые, реалистические, полные экспрессии рисунки. Этой особой живостью скифская живопись в корне отличается от египетской, греческой, римской.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

Еще в 540 году до нашей эры была основана греками колония на месте более древнего скифского поселения Пантикапей. Изгнанная победившими демократами, торговая аристократия малоазиатского города Милета, во главе со своим вождем Археанактом, ряд лет искала пристанища. Победители насмешливо прозвали неудачников «вечными мореходами». Наконец, место для колонии было выбрано и, надо сказать, очень удачно.

Расположенный на высоком холме, на месте теперешней Керчи, на берегу Керченского пролива, Пантикапей находился как бы на границе двух миров: на север шел путь к Меотиде — Азовскому морю, к «варварам» — скифам, на юг уходила дорога в Грецию, скудную, каменистую, малоплодородную, но родную страну, с надеждой смотревшую на богатые берега Черного моря — Понта Евксинского.

Пантикапей рос, богател, обстраивался. Около середины V века до нашей эры он стал центром крупной монархии — Боспорского царства, со смешанным населением греков и скифов. Завоевана была соседняя Феодосия; покорены были племена синдов и меотов на противоположном берегу пролива.



Завязались оживленные торговые сношения с Афинской морской державой. Около 800 тысяч медимнов зерна (40 миллионов литров) грузилось в среднем ежегодно в портах Боспора для Афин. Афиняне награждали боспорских владык золотыми венками, воздвигали им на акрополе и площади народных собраний — агора — почетные статуи, опубликовывали в их честь почетные декреты.

Это понятно: что было бы с греческой цивилизацией, если бы не Скифия и Боспор? Без преувеличения можно сказать, что без Скифии, без богатств Понта — не было бы метрополии. Именно Скифия и Боспор своими производительными силами и ресурсами более всего участвовали в создании и укреплении материального фундамента античной культуры: афиняне торговали с Понтом, ели его хлеб, на них работали рабы-скифы. В V веке Понт навещает вождь рабовладельческих Афин Перикл (об этом сообщает Плутарх); в IV веке о скифском хлебе говорят в своих речах афинские ораторы Лисий и Демосфен.

Боспор становится одной из цветущих окраинных эллинистических держав. Белые дверцы с мраморными колоннадами ослепительно блестят на южном солнце. В многочисленных портиках шумит народ — купцы, матросы, поэты, философы, рабы, ремесленники, переводчики.

Основной массой населения античных греческих городов эпохи расцвета были, как известно, рабы. И Пантикапей — центр Боспора — не был исключением. Рабы работали в специальных царских мастерских — эргастериях, рабы же строили роскошные храмы, возводили грандиозные усыпальницы — курганы для царей Боспора.

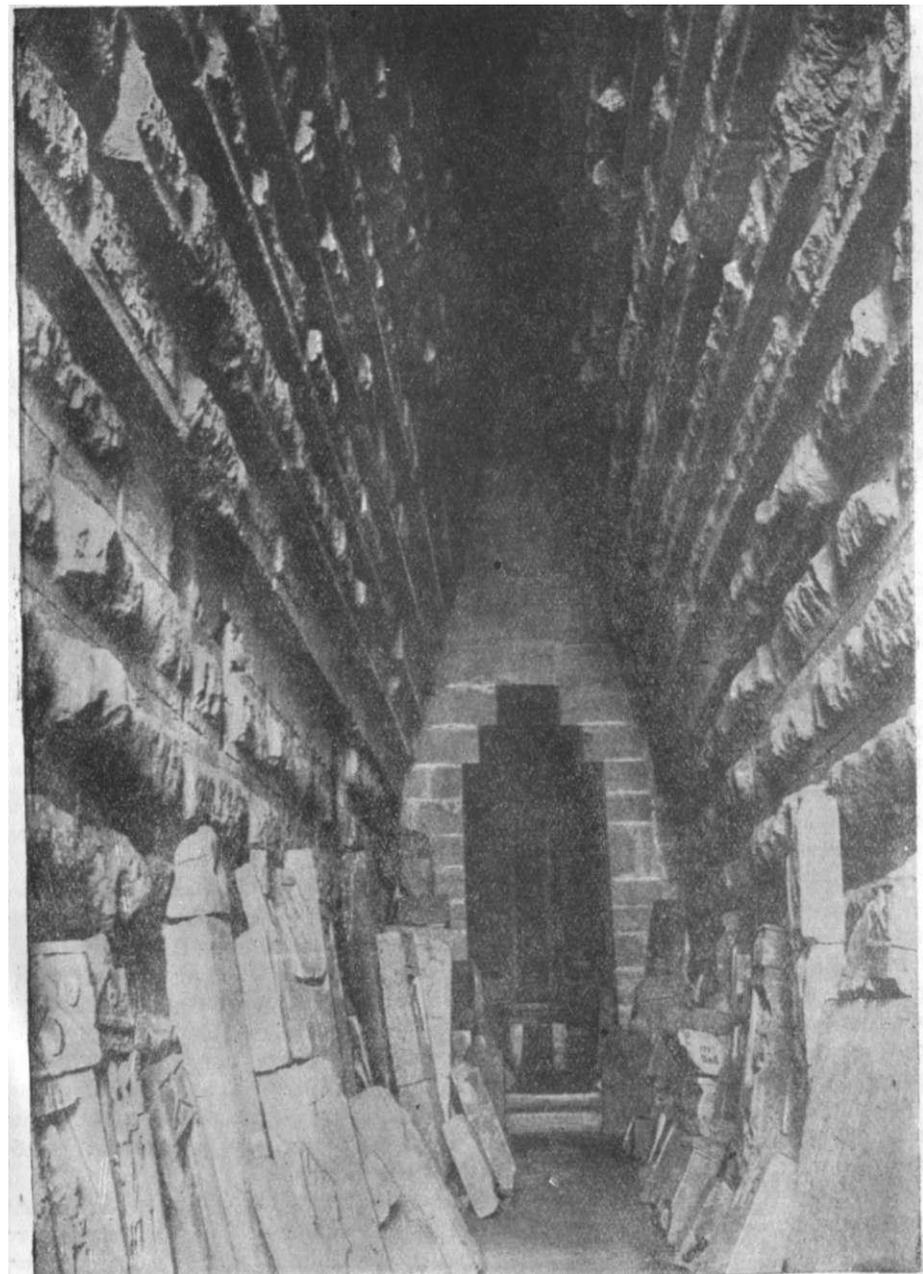
Обо всем этом рассказывают нам археологические находки.

Мы часто встречаем надписи-клейма: «басилике» — «царская» — на многочисленных кровельных черепицах, найденных при раскопках. Царь много строил; ему надо было много черепицы, и он имел свои собственные черепичные мастерские. В них широко применялся рабский труд.

Расцвет могущества и богатства боспорских царей виден даже на их погребениях. До сих пор близ Керчи высится так называемый Царский курган. По преданию, здесь был захоронен Левкон I (IV век до нашей эры). Высота сооружения — 17 метров, окружность — 260 метров, длина коридора (дромоса), ведущего в погребальную камеру, — 36 метров. Монументальность памятника, при осматривании которого на память приходят египетские пирамиды и микенская «сокровищница царя Атрея», тщательность работы, отделки деталей — всё говорит о сотнях, быть может, тысячах рабов, занятых на его постройке.

Тяжело было положение этих рабов. На улицах Пантикапея и Феодосии можно было часто видеть картину, хорошо знакомую нам из истории и быта греческих и итальянских центров античности: людей, закованных в цепи, с ошейниками, подгоняемых кнутом надсмотрщика.

А в Херсонесе уже изживала себя «демократическая» республика рабовладельцев. Рост торговли приводил только к обогащению одних, обнищанию других. Мелкий свободный люд разорялся иногда до того, что...



Дромос (коридор) Царского кургана боспорского царя IV века до нашей эры Левкона I. В глубине — проход в помещение для гробницы. Курган был разграблен еще в древности. Здесь помещается филиал Керченского историко-археологического музея. В нем хранится коллекция древних надгробных плит.

Впрочем, вновь слово памятнику. В одном из фамильных склепов Херсонеса раскопки обнаружили погребальную детскую урну с добавочной надписью «на 5 1/2 лет». Это значит: традиция требовала захоронения в склепе. Но у родителей ребенка не было средств на постройку своего склепа. Пришлось снять «в аренду», хоть на время, место в чужом фамильном склепе. Да и сами обладатели этого склепа, видимо, уже не были прежними богачами, иначе разве торговали бы они правом на место в их склепе?

Власть прибирали к рукам немногие богатые семейства, их представителей избирали из года в год членами совета и его коллегий. Они стали гордо именовать себя «отцами города».

Но раздираемое внутренними противоречиями государство херсонеситов слабело. Еще столетие назад Херсонес препятствовал Боспорскому царству в завоевании Феодосии. Теперь не то. Начинаются скифские войны. Херсонес — город, как и весь Херсонес Таврический — Крым, вступает в роковое для античных городов северного Причерноморья II столетие до нашей эры.

ВОССТАНИЕ САВМАКА

Во II веке в центре Крыма местные скифские племена организовали свое государство. Во главе его стоял смелый, талантливый царь Скилур. Он обнес центральное поселение Неаполис высоким валом и сделал этот город своей столицей.

И сюда проникало влияние пришлых мореплавателей, торговцев-колонизаторов — греков. Они привозили сюда золотые и серебряные изделия искусных заморских мастеров, расписные глиняные сосуды, предметы вооружения и многое другое.

Земля Тавриды давала богатые урожаи хлеба. По степям бродили необозримые табуны коней. Пришельцы требовали в обмен на свои товары эти богатства страны.

Но это было мало выгодно скифам. Греки всегда запрашивали за всё свое слишком много. В сущности, местные мастера-скифы уже успешно конкурировали с пришельцами рядом прекрасных сделанных изделий.

Но самостоятельной торговли скифы наладить не могли. Страна была отрезана от моря: буквально всё побережье было захвачено пришельцами. Когда-то они только торговали. У них можно было учиться многому. Теперь они иногда идут даже военными грабительскими походами в глубь страны. А главное — они и в торговле всё больше и больше сбивают цены. И неисчислимые богатства края либо сбывались по дешевке, либо даже вовсе не находили сбыта. И тогда на полях погибал несжатый хлеб, в ямах-зернохранилищах гнивало золотистое зерно.

Пришлось Скилuru, в конце концов, налаживать сбыт хлеба через далекую Ольвию, что в устье Борисфена и Гипаниса. Он завоевал этот город-порт, был в нем полным хозяином положения. Но и это было вовсе не так уже выгодно: сказывалась дальность расстояния.

Пройдет немного времени, и сын Скилура Палак пойдет походом на



Скилур и его сын Палак. С рельефа, найденного в 1827 г. на городище Керменчик вблизи Симферополя (скифская столица Неаполис).

Херсонес. По укреплениям Херсонеса пройдет приглашенный на помощь из государства Митридата полководец Диофант; он жадно будет осматривать всё в городе и выведывать его слабые места: Митридат поручил ему, разгромив скифов, подчинить и Херсонес. . .

**

Перед нами еще одно свидетельство веков. Оно воскрешает яркий эпизод истории Скифии, Херсонеса и Боспорского царства конца II века до нашей эры. Это — монета. Хранится она сейчас в Историческом музее в Москве, в отделе нумизматики. На ней изображена голова мужчины без бороды, повернутая вправо, в лучезарном венце. На обороте — голоза быка и греческая надпись:

ΒΑΣΣΑΥΜ

Монета очень стерта. Кроме того, на древних монетах имена царей и владык, названия городов часто писали сокращенно и слитно. Ученые установили, что «ΒΑΣΣΑΥΜ» — это значит «басилевс Савмак», то есть царь Савмак: монета выпущена царем Савмаком. Ученым известны еще

две монеты с этим же именем и рисунком, но они попали в заграничные музеи.

Савмак — не обыкновенный царь. Он — вождь восставших на Боспоре скифских рабов; это рабы избрали его царем-вождем своего рабского государства. Правление Савмака продолжалось больше года, пока рабовладельцы не разгромили верных ему отрядов, а его самого не убили.

Даль веков не сохранила нам, к сожалению, подробной истории развития восстания рабов на Боспоре, как не сохранила нам и его политических лозунгов и характеристики его вождя. Много приходится лишь угадывать по тем, пока скромным, данным, которые имеются в руках ученых.

Это было больше двух тысяч лет назад, в конце II века до нашей эры. Рабовладельцы Херсонеса воздвигли на главной площади медную статую полководца Диофанта. Полководец этот прибыл в Крым из-за моря, из Понтийского царства, посланный своим царем Митридатом для помощи Херсонесу, попавшему в беду. Диофант с успехом выполнил поручение. На мраморном пьедестале статуи был высечен текст почетного декрета. Декрет излагал заслуги митридатова полководца перед рабовладельцами Херсонеса.

В какую же беду попали херсонеситы? Какую помощь оказал им Диофант? И при чем тут царь рабов Савмак?

Об этом мы и узнаём из текста почетного декрета на пьедестале статуи полководца. Этот пьедестал находится в Эрмитаже.

Когда умер скифский царь Скилур, его сын и преемник Палак попытался подчинить своему господству Херсонес. Поход был настолько серьезно организован, а угроза падения города была настолько вероятна, что перепугавшиеся херсонесские купцы стали просить помощи у понтийского царя Митридата.

Понтийское царство находилось на южном побережье Черного моря. Митридат VI Евпатор был решительным и жестоким царем. Он был каким-то дальним побочным потомком древнеиранских монархов — Ахеменидов — и мечтал о воссоздании «мировой империи» на Востоке или, в крайнем случае, здесь, в Причерноморье. Просьба херсонеситов шла навстречу тайным честолюбивым замыслам царя. Он надеялся в огне войны захватить в свои руки Херсонес, а там дальше и всю Тавриду. И он послал в Крым своего полководца Диофанта.

Отчаянное сопротивление встретили пришлые войска со стороны скифов. Скифы понимали, что их война с новыми пришельцами из-за моря — это борьба за свободу, за независимость, борьба справедливая.

К концу II века выступления скифов и волнения рабов начались также в Пантикапее и окрестностях. Правитель Боспора Перисад V, видя помощь Митридата Херсонесу, тоже стал мечтать о посторонней помощи: у него уже не хватало ни войска, ни средств на подавление бунтовавших рабов и на отражение участвовавших нападений скифов, живших поблизости — на Керченском полуострове.

В ответ на просьбу Перисада Диофант, разгромивший к этому времени царство Скилура—Палака, приехал для переговоров на берега Боспора. В беседах с царем он советовал ему уступить верховную власть Митри-

дату, стать его наместником. Перисад согласился. Видимо, он решил, что лучше потерять часть политической самостоятельности и стать наместником Митридата, чем допустить победу «варваров» и рабов и тогда уже наверняка потерять всё.

Передача Боспора заморскому царю Митридату означала, что к гнету местных рабовладельцев прибавится еще гнет пришлых угнетателей.

На Боспоре происходит восстание рабов. Это был 107 год до нашей эры. Восставшие закололи Перисада. Диофант едва успел спастись бегством на присланном за ним херсонеситами корабле. Царство оказалось в руках восставших. Восстанием руководит Савмак.

Кто он такой? Скифский принц, наследник престола, как утверждали западноевропейские буржуазные ученые? Значит, быть может, не восстание, а дворцовая смута?

В тексте почетного декрета в честь Диофанта в одном месте действительно стоит греческое слово «эктрепсанта» — выкормившего: «Савмак убил Перисада, эктрепсанта его». Но как царевич оказался во главе восстания рабов?

Советский ученый, академик С. А. Жебелев чисто лингвистически показал всю неверность прежних, по существу реакционных толкований текста. Изучив огромное количество греческих надписей, проверив словоупотребление лучших греческих писателей-классиков, Жебелев пришел к выводу: слово «эктрепсанта» применяется только по отношению к рабам, притом рабам, рожденным от родителей-рабов, а не захваченным из числа свободных, к рабам, уже в неволе «вскормленным» хозяином. Савмак — дворцовый раб Перисада.

Значит, никак не дворцовый, не династический переворот. Да и весь текст декрета говорит, собственно, о большом восстании рабов-скифов.

На трех дошедших до нас монетах, выпущенных захватившими власть рабами, Савмак именуется царем. Значит, рабы организовали свое царство. Они чеканили свою монету.

Если сравнивать изображение на монете Савмака с различными похожими на него памятниками античного искусства, то сразу можно сделать вывод о том, что на монете вычеканена голова греческого бога солнца Гелиоса или портрет самого Савмака в короне Гелиоса.

Восставшие рабы и Гелиос?

Эта связь, видимо, не случайна. Еще за двадцать шесть лет до восстания Савмака Аристоники «быстро собрал» в Малой Азии, как пишет древний географ и историк Страбон, «массу неимущих людей и рабов, призвав их к свободе. Своих сторонников он называл гелиополитами».

«Гелиополиты» — это граждане государства Гелиоса, государства Солнца.

¹ Классическая работа акад. С. А. Жебелева „Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре“ [журн. „Вестник древней истории“, изд. АН СССР, 1938 г., № 3 (4)] на конкретном историческом материале из истории древних народов СССР иллюстрирует гениальное указание товарища Сталина: „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся“ (Вопросы ленинизма, 11 изд., стр. 41?), положенное в основу советской, единственно правильной, материалистической концепции истории древнего мира. Восстание Савмака — великая революция рабов — и было одним из ранних предвозвестий на территории СССР.

Мечта о «солнечном государстве», рассказы о «солнечных людях» — один из любимых мотивов так называемых утопических романов этой эпохи. Другой древний историк Диодор Сицилийский приводит, например, сведения об авторах таких романов — Евгемере и Ямбуле.

«Солнечное царство», как рассказывали эти фантастические романы, находится на «островах блаженных», где-то между счастливой Аравией и страной чудес и фантазий — Индией. Здесь нет трудных и неприятных работ, нет насилия и грубости, нет частной собственности, нет денег. В «солнечном царстве» нет даже никаких болезней. Среди богатейшей природы, на лугах, под животворными лучами Гелиоса, которому они поклоняются, люди доживают до 150 лет.

Утопия — слово древнегреческое. «У» по-гречески значит «не», «топос» — «место». Значит, утопия — это место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка.

О «солнечном царстве» мечтал народ, угнетенный деспотическим режимом рабовладельческих монархий III—II столетий, эпохи эллинизма. Когда эти массы восставали против эксплуататоров, их лозунгом естественно становился призыв к созданию «солнечного царства».

Цари Селевкиды тоже любили носить головной убор в виде короны с лучами Гелиоса. Но для рабов такая корона на голове их вождя приобретала совсем другой смысл.

Но как оказались занесенными сюда, на берега Боспора, «на край света», лозунги восстаний рабов в центрах античности?

Римский историк Орозий говорил об этом времени, что «восстания возникали, подобно сверкающим искрам пожара, от первого трута, зажегшегося в Сицилии». Действительно, на протяжении II—I веков восстания рабов были в Сицилии, Италии, Македонии, Аттике, Пергамском царстве, на островах Хиосе и Родосе. Интересно, кстати, что на Родосе издавна почитали бога солнца — Гелиоса. В 280 году до нашей эры в честь этого божества у входа в Родосскую гавань была воздвигнута огромная медная статуя — одно из «семи чудес света», так называемый Колосс Родосский.

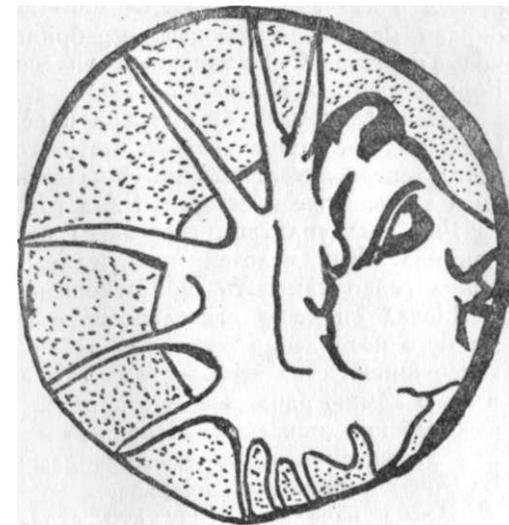
Так вот в чем дело! В боспорские гавани, как известно, прибывали торговые суда из самых различных мест. Рабы — гребцы и матросы, рабы-грузчики могли делиться с портовыми жителями новостями из широкого мира. Керченская земля сохранила, в частности, ряд амфорных ручек с острова Родоса, на клеймах которых имеется изображение головы Гелиоса. Часто северное Причерноморье служило также убежищем для беглецов с далекого Юга. И среди приближенных Савмака вполне могли оказаться бежавшие сюда участники разгромленного восстания Аристоника.

Восстание скифских рабов в Пантикапее скоро разлилось по всему Керченскому полуострову. На сторону Савмака встало очень много союзников из местного населения. Присоединились сюда и кое-какие, уцелевшие в борьбе с Диофантом, отряды скифов западного Крыма — из царства Скилура—Палака. Границы державы Савмака обнимали собой всю европейскую часть павшего Боспорского царства.

Но угнетатели не хотели уступить своей власти. Шла самая настоящая война. Рабовладельцы организовали вооруженное сопротивление новой — раб-

ской — власти. А за морем Диофант собирался с силами для очередного похода в Крым, для разгрома ненавистных эксплуататорам победивших народных масс.

Туго приходилось восставшим на протяжении этого года. Но они оборонялись и трудились. К восставшим рабам Боспора были вполне применимы слова историка Диодора, сказанные им в связи с Сицилийским восстанием рабов: «Восставшие рабы, разумно заботясь о будущем, не сжигали vill, не уничтожали в них имущества, ни запасов плодов, и не трогали тех, которые продолжали заниматься земледелием». Да разве не об этом же говорят и изображения головы быка и пшеничного колоса на обороте монет Савмака?



Лицевая сторона монеты Савмака.

Диофант, по поручению Митридата, около года собирал силы для нового похода. Разумеется, Митридат вовсе не желал мстить за убийство Перисада. Наоборот, оно его даже в известной степени устраивало. Но Савмак спутывал все карты. Это было непредвиденное препятствие на пути создания «мировой монархии» на Черном море. Это был серьезный соперник, захвативший как раз то, хозяином чего уже считал себя Митридат.

И Диофант повел наступление с суши и с моря. К своей вновь набранной армии он присоединил также отборное войско херсонеситов. Они хотели отомстить скифам за недавнее нападение на Херсонес. Кроме того, они боялись, что пример Савмака воодушевит и их собственных рабов, что эти рабы прогонят их, как рабы Боспора прогнали своих господ.

Город за городом повстанцев падал в неравной борьбе после героического сопротивления.

Повстанцев казнили на месте. Савмака Диофант отослал в столицу Понта — Синопу — на расправу к самому Митридату. Митридат стал царем Боспора. А на акрополе Херсонеса вознесся бронзовый памятник Диофанту с надписью на мраморном пьедестале.

ПРОТИВ „ВЕЛИКОГО РИМА“

Мы вновь в залах музея. От надписей на камнях — то на греческом, то на латинском языках — мы переходим к увесистым тарапанам из виноделен, смотрим на остатки на днищах пифосов каких-то солений, вчиты-

ваемся в акт анализа содержимого запечатанной амфоры (нефть!), перебираем медные, бронзовые, серебряные монеты. И перед нами проходят новые картины. Окончательный упадок демократии. Римская оккупация... Борьба местных народов. . .

Итак, Митридат был теперь царем не только Понта, но и Боспора. Исполнилась, однако, только часть его честолюбивых замыслов. Митридат хотел теперь отторгнуть от Рима весь восточный и греческий мир. Начались знаменитые в истории Рима Митридатовские войны (92—63 гг.).

Рим был сильным, серьезным противником. Митридат это прекрасно понимал. Как человек изворотливый, настойчивый, хитрый, он отныне решил резко изменить свое отношение к общественным низам.

Начал он свою деятельность с походов против «варваров», с вооруженного подавления восстания рабов под руководством Савмака, а под конец жизни стал заключать союзы с варварскими племенами и вербовать в свою армию рабов, да еще пиратов — этих всегдашних спутников античных рабских движений. Народные настроения Митридат ловко использует для достижения своих честолюбивых замыслов о мировой монархии на Ближнем Востоке, на Понте.

Война началась. Все, кто страдал от римского ига — и эллины, и азиаты, — объединились теперь под руководством победоносного Митридата-«освободителя».

Захваченному в плен представителю «жадного Рима» консуляру Манию Аквиллию царь распорядился «насытить алчность», влив в горло расплавленное золото. В тот же день было умерщвлено несколько десятков тысяч римлян, проживавших в Малой Азии. С огромными силами Митридат напал с суши и с моря на город Родос за то, что тот укрыл у себя бежавших римлян. Были перебиты римляне на Делосе. Митридат обещал помощь крестьянам Италии, восставшим против Рима. Поднятые Митридатом фракийцы вторглись в Македонию.

Встающим под его знамена местностям царь, вождь антиримского движения, предоставлял права самостоятельного управления. Их жителям дарил права гражданства. Должникам прощал долги. Неимущим давал землю. Рабов массами отпускал на волю.

В армии Архелая, одного из виднейших полководцев Митридата, сражалось до 15 тысяч таких вольноотпущенников. На острове Хиосе получившие свободу рабы сослали своих хозяев в болотистую и малярийную Колхиду. В Афинах во главе правления Митридат поставил своего любимца — блестящего оратора, бывшего раба Аристиона.

Лучших, знаменитейших полководцев бросал рабовладельческий Рим на объятый пожаром Восток. С 90-х по 60-е годы тут перебивали легионы Суллы, Лукулла, Помпея. Подкупленные римлянами, самые значительные торговые города Малой Азии — Смирна, Колофон, Эфес, Траллы, Сарды — заперли свои ворота перед послами Митридата, а до прибытия на помощь римских легионов организовали самооборону. Испугавшись угроз римлян, изменил Митридату его сын Махар, наместник Боспора, и корабли, полные хлебом, предназначенные для Синопы, пошли на снабжение когорт Лукулла.

Три раза выступал Митридат, и три раза терпел он поражение. Тогда он решил временно отступить. Через Армению, по побережью Понта Евксинского, он повел оставшиеся верными ему отряды на Боспор. В Пантикапее со страхом ожидал, «го Махар, получивший уже в награду от Рима титул «друга и союзника римлян». Митридат тем временем заручился поддержкой многочисленных меотийских племен. Махар бежал в Херсонес. Этот город, видя коренную перемену в поведении Митридата, отрекся теперь от бывшего союзника и защитника, стремясь заслужить доверие воинственных рабовладельцев Римской державы.



Портрет Митридата Евпатора (р. 132, ум. 63 г.). Изображение на монете.

Митридат обосновался в Пантикапее. Он продолжал готовиться к новой, четвертой войне с Римом. Для достижения заветных целей — мировой монархии на Востоке, — он еще шире привлекает к своему двору, к управлению царством людей из низов.

Плохо мирились со всем этим рабовладельцы городов Боспора. В конце концов они ответили на эту политику царя восстанием против него. Во главе этого восстания стоял город Фанагория — центр азиатской части Боспорского царства. Около этого же времени Митридату изменил и его второй сын — Фарнак. Он тоже перешел на сторону римлян.

Темной осенней ночью 63 года, опасаясь, что его увидят городские низы, осаждают Фарнак дворец царя и отца. В отрядах Фарнака много римских перебежчиков. Они подстрекают к восстанию против Митридата колеблющихся местных жителей. Митридат кончает самоубийством.

Почему Митридат потерпел неудачу в борьбе с Римом? Потому ли только, что Рим был еще очень силен и крепок, хотя и пострадал от многочисленных рабских восстаний? Ведь несколько лет Римская держава сотрясалась под ударами грандиозного восстания Спартака, охватившего всю Италию.

Митридат потерпел поражение потому, что он пытался объединить под своей властью в борьбе против Рима двух непримиримых врагов — местное эксплуатируемое население тавров и скифов и их угнетателей — рабовладельцев греческих городов побережья.

Довольный победой над Митридатом, римский полководец Помпей дал Фанагории права «свободного города», а Фарнака, отдавшего римлянам,

как трофей, труп своего отца, пожаловал титулом «друга и союзника римлян».

Фарнак утвердился царем на Боспоре. Римская марионетка, он скоро понял цену римского союза. Через двадцать лет мы встретим его также руководителем антиримского мятежа. «Пришел, увидел, победил», — коротко сообщил Юлий Цезарь сенату о своей войне с Фарнаком.

В Азово-Черноморском крае большой известностью пользуется городище у хутора Недвиговского — между Ростовом и Таганрогом. На этом месте находился древний город Танаис, самая отдаленная колония Боспорского царства, расположенная в северо-восточном углу «Меотийского болота» — Азовского моря.

Танаис резко отличался от городов Боспорского царства и всего северного Причерноморья. Он был удален от других греческих центров и находился в самой гуще местного, «варварского», населения. Это была прямая противоположность Херсонесу — узлу всех древних здешних путей.

Город был расположен на правом возвышенном берегу реки Мертвый Донец. Он имел форму квадрата и был окружен валами и рвами. В углах, насыпи, на валах находились башни. Их остатки обнаружены теперь раскопками.

На южной стороне города археологи нашли остатки въезда в Танаис. Откопанный мир предстает перед вами остатками каменной мостовой, городской площади, отдельных жилищ. О давно минувшей жизни рассказывают найденные обломки различных сосудов — амфор, пифосов, киликов — и целые сосуды, привозные бронзовые изделия обихода и роскоши — канделябры, лампочки-светильники, бусы, монеты, отдельные части мраморных изваяний.

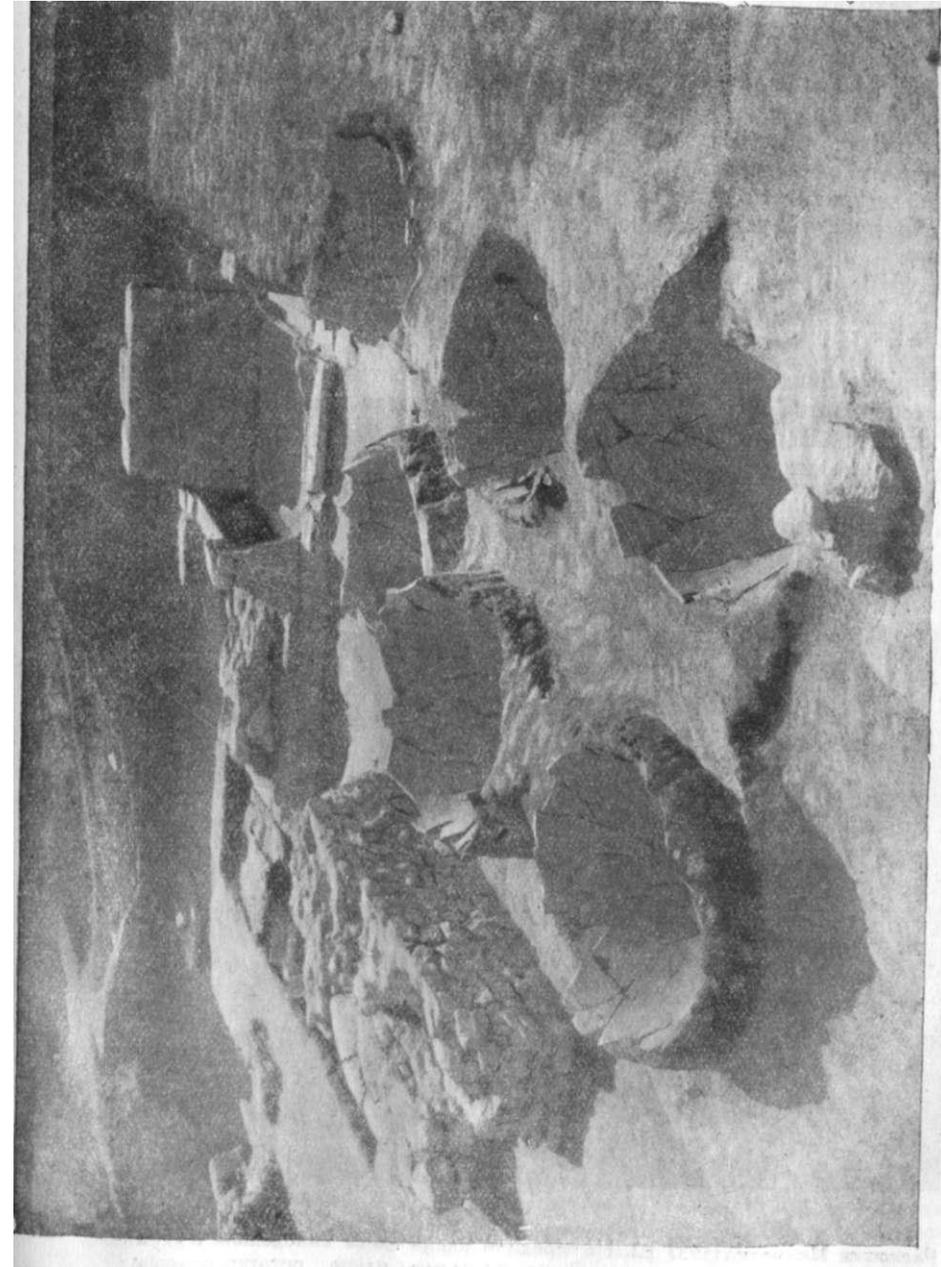
Особенно интересны найденные в различных местах городища целые и разбитые каменные плиты с греческими надписями.

Изучая находки, читая древние надписи, ученые узнали, что население Танаиса к началу нашей эры было сильно смешанным. Этот смешанный народ эллино-скифов так и назывался танаитами.

Управители Танаиса назначались боспорскими царями. Но обычно это были «чистокровные» греки. Впрочем, талантливые и настойчивые люди пробивали себе дорогу. Часто упоминающийся в надписях управитель Хофразм, сын Форгинака, был танаитом.

Греки, не слившиеся с туземцами, старались держаться обособленно. У танаитов были свои городские чиновники — архонты. Греки называли своих чиновников эллинархами. Эти должности были выборными. В надписях на каменных плитах эти люди увековечивали свои «деяния» — сооружения памятников, построек, устройство празднеств.

Танаис был крупным центром по торговле сырьем. Он жил торговлей. В нем не вырабатывалось никакой готовой продукции. Рядом с городом, за его стенами, находилось торжище. Вокруг Танаиса обитало множество людей, и все они съезжались к городу для меновой торговли. Наряду



Комплекс рыбозасолочного хозяйства римской эпохи I века нашей эры. Из раскопок Тиритики на Камыш-Буруне под Керчью. На первом плане — динца шести пифосов, в которых был рассол для заливки. Далее — остатки шести рыбозасолочных ванн; по ним проходят стены позднехристианского храма.

с простым обменом начинала развиваться и денежная торговля. Археолога часто находят здесь при раскопках общие монеты всего Боспорского царства. С утра до вечера суетились купцы — и греки, и танаиты. Они скупали местное сырье и продавали его в центры Боспора. Они скупали привозные товары и перепродавали его окружающему населению.

С течением времени совместные занятия одним и тем же делом, совместная жизнь, культ сгладили разделение населения Танаиса на греков и; не греков. Из надписей мы узнаем, что во II веке нашей эры эллинархом был танаит Родион, сын Фазинома. Деление на местных и пришлых стало простой условностью. Архонт и эллинарх правили уже, советуясь друг с другом, а то и заменяя друг друга.

У всего населения Боспора появился общий враг. Это были римляне.

В последовавшие за гибелью Митридата десятилетия римляне энергично вмешиваются в дела Боспора. Они назначают и сменяют его правителей. Даже субсидии на содержание армии цари Боспора — «други кесаря, други римлян» — получают от Рима.

Это понятно. Эксплоатация Боспора — и шире, Крыма — была теперь жизненной необходимостью для Рима. Крым становился продовольствен-



Раскопки Мирмекия (1937 г.). На переднем плане слева винодельня с двумя тарапанами; правее—водосток. Слева, на заднем плане, остатки оборонительной стены.



Мраморная плита с рельефным изображением бога виноградарства Диониса. Справа от него пастушеский бог Пан и пантера, вокруг виноградная лоза и мальчики, срывающие виноград. Внизу—посвятительная надпись. Из развалин святилища на Ай-Тодоре, близ римской крепости Харакс. (Ялтинский краеведческий музей.)

ной базой для всей восточной части римской державы. И римляне требуют и добиваются здесь усиленного производства хлеба, вина, добычи соли, рыбы.

Мы снова на городище. Перед нами руины одного из крупных пригородов Пантикапея — Тиритаки. Ряд лет беспрерывно руководящий раскопками, научный сотрудник Академии наук В. Ф. Гайдукевич показывает нам относящиеся к I веку нашей эры многочисленные комплексы рыбозасоленных ванн. Есть комплексы по 16 ванн, вмещающие по 200 кубометров. А Мирмекий? Помните его винодельные бродильные цистерны? Они давали ежегодно десятки тысяч литров вина. В слоях римского времени в Пантикапее и Фанагории раскопаны огромные гончарные горны: здесь производились пифосы и амфоры — тара для вина, для зерна. И всё это шло на западное побережье Понта — в Дакию, Мезию, Фракию, где стояли римские армии.

В 66 году нашей эры на Херсонес вновь нападают скифы. На помощь попавшим в беду союзникам спешат римские солдаты под командой Плавция Сильвана — легата из Нижней Мезии. На мысе Ай-Тодор образуется римское военное поселение Харакс. Его основал десант моряков равеннской эскадры. В Ялтинском музее хранятся соответствующие надписи — надгробия римских легионеров. Воды Черного моря начали бороздить римские корабли. Пантикапей превращается в опорный пункт римской оккупации Крыма.

Но неспокойно на Понте Евксинском.

При римском императоре Веспасиане (70-е годы) на территории бывшего Понтийского царства, на южном побережье моря, «внезапно поднял оружие раб-варвар, бывший некогда начальником царского флота. Это был Аникет». Так пишет римский историк Тацит. Привлекши на свою сторону народы, жившие по берегам, Аникет захватил Трапезунд. Варвары, как сообщает Тацит, «горделиво разъезжали по морю».

Аникет — это не имя, а прозвище, принятое вождем движения после захвата власти. Раб назвал себя так в честь бога-покровителя рабов Гелиоса-Аникета — Гелиоса Непобедимого.

И еще показание Тацита: около этого же времени «роксоланы — народ сарматского племени, — изрубив две когорты, вторглись в Мезию».

При римском императоре Домициане — восстание дакийцев на Дунае (81—96 гг). Его подавил лишь император Траян (начало II века нашей эры). Он привлек сюда чуть не все имевшиеся в наличии у Рима войска. На успокоение придунайских провинций были брошены и все крымские легионы.

Свобода в Крыму, впрочем, длится недолго. Во II веке римская оккупация полуострова возобновляется. Теперь центр оккупации — Херсонес. Здесь стоят римские гарнизоны. Об этом рассказывают надгробные плиты, хранящиеся в залах Херсонесского музея и в Ялтинском музее краеведения.

Римляне грабили страну. Падение благосостояния местных центров было заметно нередко в самых неожиданных случаях. Продовольственное положение Херсонеса однажды было настолько скверно, что городу из



Воины боспорской армии в римское время. Фреска одной из керченских катакомб (II век нашей эры).

своих личных средств «милостиво» помогал некий богатый и знатный римский юноша Нумений. Об этом мы узнаём из почетного декрета херсонеситов в его честь.

Римские оккупанты недоверчиво относились к местному населению. Но они не всегда доверяли и своим союзникам — рабовладельцам Херсонеса и Боспора. Около середины II века херсонеситы два раза посылали посольство к боспорскому царю Реметалку: они хотели военного союза с ним против волнующихся туземных низов. Обеспокоенные этим, римляне отняли на ряд лет у Херсонеса и те жалкие права «свободного» города, которыми он еще пользовался.

А из степей Крыма к побережью вновь и вновь катились волны «варварского» наступления. Ярko говорят об этом, в частности, тексты стихотворных надгробий, хранящихся в Керченском и Херсонесском археологических музеях. Стихи писались только на надгробиях зажиточных граждан.

Вот некий Лисимах. Он сражен кровожадным богом войны среди чужеземцев, — как говорится в надписи, — «грозным Ареем скифов». Ксанф,

«безупречный среди сонма сограждан», сгублен также «завистливым Ареем в битве за родину». Минодор из «венчанной морем Синопы», сам «многие изрубив кровавые доспехи супостатов», лежит, «сраженный копьем в земле боспорской». Аполлоний, сын Аполлония, «наткнулся на страшное варварское копьё».

Лисимах, Ксанф, Аполлоний, Минодор бились против «варваров» даже не за свой город и свой народ. Они сражались за фактических хозяев земли — римлян. А с конца века Херсонес и формально подчинился зависимому от тех же римлян Боспорскому царству.

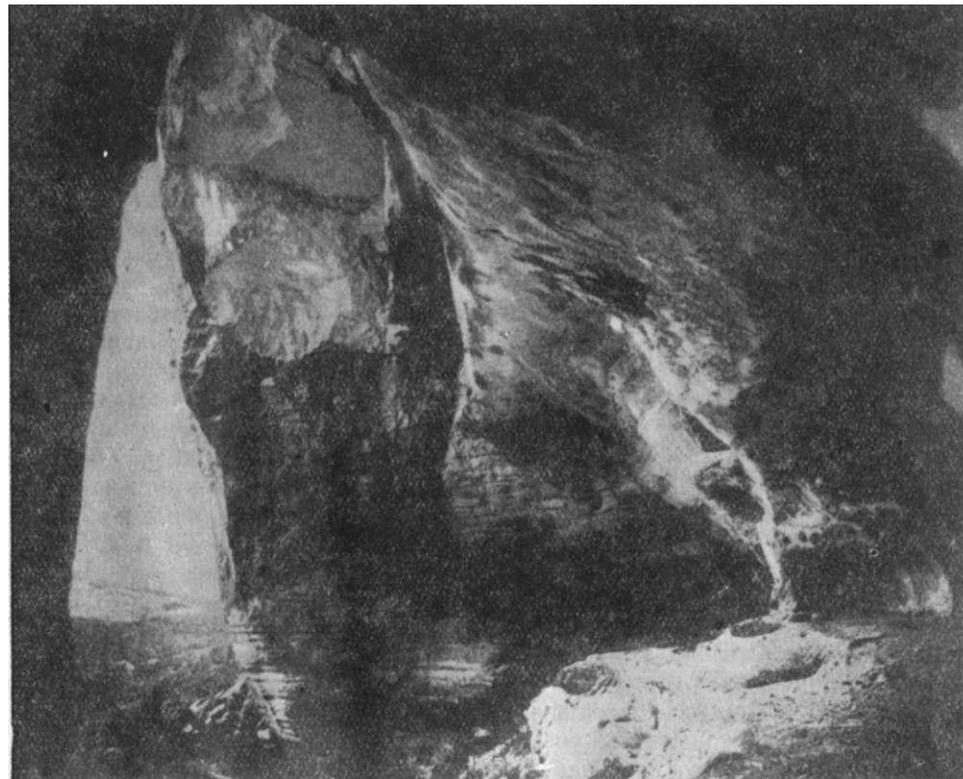
* * *

Ольвия была взята и разграблена степными кочевниками гетами еще в половине I столетия до нашей эры. После этого разгрома город снова возродился, но уже более бедным, без былого блеска. Опасности и тревоги продолжались. Покровительство Римской империи помогало мало. В конце I века нашей эры сюда прибыл знаменитый греческий ритор Дион Христом. Не случайно прозвали его Христомом — златоустом: это был, говорят, действительно замечательный оратор. Он приехал как гость. Это было огромное событие в культурной жизни города. Ритора собирались слушать толпы народа.

Ритор принес с собой сюда, на окраину империи, новые умственные течения и веяния. Он слегка иронически относился к «устаревшему», «вятиеватому» Гомеру. Он восторженно говорил об эпиграммах модного тогда стихотворца Фокилида.

— Гость, — сказал ему как-то юный Каллистрат, храбрец в сражениях, убивший и взявший в плен многих савроматов. — Гость! Мы тебя любим и уважаем, иначе ни один борисфенит не вынес бы твоих нападок на Гомера и Ахилла: последний, как ты знаешь, наш бог, а первый почитается наравне с богами. Но всё же граждане собрались послушать тебя, хотя на душе у нас и неспокойно: вчера скифы вновь сделали набег, некоторых защищавших часовых убили, а других увели в плен...

Чем сильнее были военные опасности, чем тревожнее жилось городу, тем большее значение получал культ Ахилла, приобретавшего старые былинные черты героя-воителя, и тем теснее связывался он с государственными учреждениями города. Члены высшего городского магистрата — архонты — считали Ахилла своим покровителем и чертили ему на своих благодарственных стелах (плитах с надписями) признательность «за мир города и собственное мужество». Для поддержания военного духа в гражданах и воспитания в них мужества и ловкости были учреждены в честь его атлетические игры и конские бега. Так «житие» Ахилла — гомеровская поэма «Илиада» — являлось живым воспитательным средством в рабовладельческой Ольвии до конца ее дней.



В горах Крыма. Раскопки обнаружили здесь, в пещерах, остатки культуры древних народов: тавров, скифов, сарматов.

* * *

Боспорские цари помогали, как могли, римским захватчикам. Стела 193 года говорит о царе боспорском Тиберии Юлии Савромате I как о «победителе скифов и сирахов, сделавшем море в Понте и в Вифинии (римских провинциях!) свободным для мореплавателей».

Ию античные города Причерноморья испытывали в римскую эпоху глубокие потрясения и изнутри.

Перед нами сильно поврежденный и трудно читаемый обломок мраморной плиты в Херсонесском музее. Сотрудники музея датировали его II веком нашей эры. Это был декрет в честь какого-то гражданина, которого «совет и народ» награждают золотым венцом и медной статуей.

За что же получил высокую награду этот гражданин от рабовладельцев?

Вернувшись откуда-то в Херсонес, говорит надпись, он «застал граждан страждущими от тирана и желающими его низвергнуть». Гражданин

был выбран в предводители действий против тирана и, несмотря на грозившие опасности, вместе с вооружившимся народом «сделал город счастливым», то есть прогнал захватчика власти.

Следующая фраза почти непонятна: слишком уж испорчен памятник. Но там говорится что-то о «междоусобном смятении», убийстве, гневе народа.

Далее идет речь о том, что чествуемый, избранный в попечители общественных доходов, всё свое внимание обратил на вопросы безопасности города и даже позаботился о ремонте городских стен.

Предстояла война с кем-то из соседей. Чествуемый гражданин произвел ревизию продовольственных средств Херсонеса и улучшил снабжение хлебом, чем в эти, как говорит почетный декрет, «тяжкие, угрожавшие военными опасностями времена весьма возвысил дух сограждан».

Однажды чествуемый гражданин на собственные средства поехал в Рим хлопотать перед императором и сенатом о возвращении Херсонесу прав свободного города. Между тем оставшиеся в городе повстанцы — приверженцы изгнанного «тирана» — снова призвали его, и он двинулся на город «с довольно многочисленным войском». Чествуемый поторопился обратно и отразил нападение, несмотря даже на то, что его сыновья и дочь попали к противнику в заложники.

Ответом рабовладельцев на это восстание низов (его вождя-то и называют рабовладельцы «тираном») было дальнейшее ущемление прав простого народа. Херсонес конца II и начала III веков нашей эры — типичный провинциальный городок Римской империи. Им управляют «отцы города», власть которых поддерживает римский закон.

Однажды сотрудник Херсонесского музея В. П. Лисин повел нас к остаткам подземного христианского храма первых веков нашей эры. Он был вырублен глубоко под почвой, прямо в скале, и в него вела вырубленная в стене лестница. Лестница эта, не доходя до самого низа, обрывалась. Дальше, видимо, шла лестница деревянная или веревочная. Внутри храма мы увидели сохранившиеся алтарную нишу и боковые полукружия.

Почему храм был сделан под землей? Сотрудники Херсонесского музея предполагали, что нахождение храма под землей, в подвале частного дома, говорит о гонениях рабовладельцев на христиан и тут, на окраине Римской империи. Ведь к христианам примыкали тогда в основном рабы, и рабовладельцы боялись их объединения. Христианам приходилось прятаться. . .

Да, не религия была выходом из тупика. «Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми». . .¹

Но растут и ширятся восстания местных племен. Ходишь по каменному архиву и видишь: в конце II века римские гарнизоны помогают Херсонесу

я боспорскому царю Савромату II в войне с местным населением; в первой четверти III века воюет со скифами «друг кесаря и римлян» Тиберий Юлий Котис; в Харакс, на помощь ослабевшему местному гарнизону, спешат пальмирские стрелки; на море начинают «разбойничать» готы.

«Варвары» теснят империю и там, на западных границах Римской державы. Римляне вторично эвакуируют Крым, на этот раз навсегда. Напрасно всех не римлян «старый Рим третировал... «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму». . . Все «варвары» объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».

Так древнейшие народы СССР прогнали оккупантов из пределов своей земли.

Там, на Западе, германцы — предки современных немцев — навеки клеймили себя своим позорным поведением. Отсюда нынешнее понятие слов «варвар», «вандал». Ворвавшись в пределы империи, где каждый камень говорил о великой античной цивилизации, они безжалостно разбивали мраморные статуи, жгли рукописи, устраивали конские стойла в Пантеоне. На ряд веков над Европой повис мрачный сумрак средневековья.

Здесь, на Востоке, «туземцы» подхватили от своих давних учителей и недавних врагов угасавший было светоч античной культуры, переняв из нее всё лучшее и творчески развивая ее дальше, создавая свою новую, передовую культуру.

Где-то в недрах многочисленных «скифских» и «сарматских» племен уже формировалось славянство.² Скоро вновь проляжет по Понту мимо Корсуни — древнего Херсонеса — большая торговая дорога: знаменитый «путь из варяг в греки». Расцветет Киевская Русь. . .

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 432.

² Советскими учеными окончательно установлено, что славянские племена — предки русского, украинского и белорусского народов — вовсе не являются „поздними, незваными гостями“ на своей территории, как не раз пытались „доказать“ фашиствующие лжеисторики; нет, они — прямые потомки более древних народов СССР. Последние данные по этому вопросу имеются в работах лауреата Сталинской премии акад. Н. С. Державина, Славяне в древности, изд. АН СССР, 1945, и проф. П. Н. Третьякова, Восточнославянские племена, изд. АН СССР, 1948.

¹ И. Сталин, Речь на II Всесоюзном съезде Советов, 26 января 1924 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПАСЕНО ДЛЯ НАРОДА

Варвары сами, фашисты считали «варварами», «низшей расой» русских, украинцев, белоруссов, грузин, узбеков. ..

Народы СССР по зову своего вождя товарища Сталина поднялись на великую освободительную Отечественную войну. Широко разлилось по оккупированному врагом району движение народных мстителей. Им помогало всё население. Партизаны не только взрывали мосты и дороги, пускали под откос вражеские поезда, уничтожали немецкие штабы. Они выпускали газеты и листовки, собирали материалы по истории партизанского движения, спасали культурные ценности советского народа.

Минск притаился.

У Никольских в Минске была знакомая. Она служила прислугой в доме, занятом одним обер-лейтенантом. У него был радиоприемник. Когда обер-лейтенант уходил из дому, девушка бросалась к аппарату. Она ловила Москву. Она ловила Ленинград. И каждое сообщение Родины быстро расходилось по городу.

Так население Минска с радостью узнавало о разгроме немцев под Москвой, под Керчью и под Ростовом, о героической стойкости Ленинграда и Севастополя. В самом Минске то взрывалась машина с гестаповцами, то оказывались перерезанными телеграфные и телефонные провода.

Николай Михайлович продолжал научную работу. Он перебирал листы изданий древнефиникийских текстов из раскопок в Рас-Шамра — текстов, работу над которыми считал задачей остатка своих дней. Эта работа стояла в пятилетнем плане изданий Белорусской Академии наук. Он читал диссертацию своего ученика о древнегреческой комедии эпохи Аристофана, раскладывал по папкам уцелевшие фото своего музея: план Иерусалим-

ского храма, снимок с египетского папируса, фрески Помпеи, мозаики Херсонеса, знакомую обгоревшую бумажку с профилем Савмака...

Шел день за днем. На пороге крошечной комнаты, заваленной книгами (это был уже третий адрес академика: немцы швыряли людей из квартиры в квартиру), стояли Ваня и Зина — советские партизаны. Они принесли привет от партизанского отряда советскому ученому-патриоту и гостинцы: мясо, сало, хлеб. Это были посланцы Родины. До поздней ночи горели огарки свечей и звучали тихие голоса. Было решено, что партизаны подготовят уход академика из Минска в партизанский лес.

В ожидании этого желанного дня ученый с новой силой принялся за работу.

Работал с увлечением, запоем. Росли стопки исписанной бумаги. Он писал монографию о древнефиникийских земледельческих культах и мифах, статью об экономике древней Месопотамии, брошюру о свадебных народных обычаях Белоруссии, восстанавливал план погибшего музея, проектировал новые экспедиции студентов Минского университета на раскопки Херсонеса, Ольвии, городов Боспора. Он знал: наши придут, вновь раздадутся родные молодые голоса в коридорах университета.

День встречи с Родиной приближался. Уже бежали из Минска в партизанскую зону химик — академик Николай Александрович Прилежаев и биолог — профессор Иван Андреевич Ветохин. Немцы свирепствовали. Приходилось немного переждать. Никольский работал.

...Яркий августовский день. По пыльной дороге тащится телега. Ею правит партизанка Марина. На сене — «больные» (свидетельство в кармане), они едут в деревню. Рискованно всё это, но, к счастью, обходится благополучно.

Телега сворачивает с шоссе на лесную дорогу. Скоро «пограничная» партизанская деревня, речка, а там, за ней — «партизанское царство», кусочек родной советской земли.

Волнение и радость неописуемы. Можно громко говорить, можно свободно называть людей запретным словом «товарищ»! Тут же бежавший накануне из Минска профессор механики Александр Александрович Кравцов.

— Эта первая ночь в партизанском лесу, в палатке, сплетенной из хвойных ветвей, никогда не изгладится из памяти, — говорил потом академик Никольский. — На маленькой полянке всю ночь горел костер, у которого сидели караульные. Не спалось, в голове бродили разные мысли. Свобода! Родина!

Ученых, находящихся в партизанской зоне, ждала Москва. Но ряд дней стояла нелетная погода, а потом на разгром партизан немцы бросили карателей. Надо было переезжать с места на место. Началась осенняя распутица. Аэродромы оказались далеко. Пришлось зазимовать.

Партизаны окружили ученых самой трогательной заботливостью, охраняли их день и ночь, снабжали всем необходимым. То в крестьянской избе, то в палатке из ветвей, то в землянке, при свете фонарика или керс-

синовой копилки, Николай Михайлович все время продолжал работать. Снова росли стопки бумаги, исписанные бисерным четким почерком.

Жизнь была тревожная. Немцы несколько раз пытались вторгнуться в партизанский край. Они бомбили с воздуха беззащитные белорусские деревеньки, шарили и рыскали по дорогам. Однажды отряд головорезов прорвался в деревню, где в это время жили Никольский и Кравцов. Партизаны, рискуя жизнью, во-время вывели ученых из деревни. Двое суток, под проливным дождем, скрывались все они в соседних болотах. А потом академик снова сел за рабочий стол.

Никольский и Кравцов провели среди белорусских партизан более полугода. Немало вынужденных переездов совершили они в это время. Много опасностей было в связи с этими переездами. Николай Михайлович показал мне обертку пачки своих рукописей. Там стояло:

«Начато собиране материалов 12. IX. 1941, начато писание текста 16.11.1942, закончено 18. III. 1943 в оккупированном Минске, в честь Советской Родины. Окончательно отредактировано и переписано к 14. XII. 1943 в партизанских отрядах Белоруссии. В случае, если я не доживу до радостной встречи с Большой землей, прошу моих товарищей по партизанской зоне принять все меры к доставке этой рукописи в Москву, в Академию наук».

Оговорка оказалась лишней. Канун нового 1944 года Никольский, правда, был еще у партизан. В землянке была устроена елка; Николай Михайлович выступил с речью. Он говорил о любви к социалистической Родине, об историческом значении советского партизанского движения и выразил уверенность в скором разгроме врага и создании на этой территории заповедника-музея партизанского движения Великой Отечественной войны.

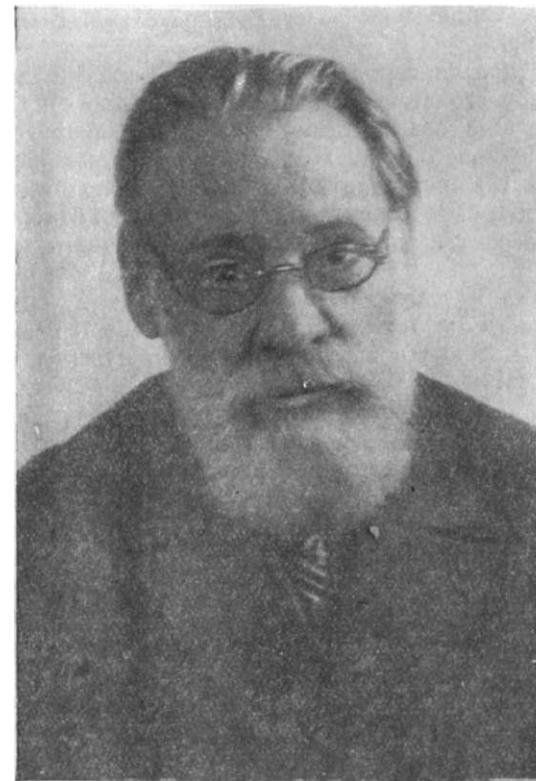
— Эти леса, эти землянки, — говорил академик, — с благоговением будут посещать тысячи советских туристов.

А через несколько дней партизаны поздравляли ученого с высокой правительственной наградой: за многолетнюю деятельность на благо Родины он был награжден орденом Ленина.

Вскоре академик Никольский на самолете прибыл в Москву.

В древнем Херсонесе свирепствовали немцы. Они выбросили Александра Кузьмича с женой из их квартиры. Гитлеровцы хозяйничали в залах музея: по карманам солдат пошли греческие терракоты, стеклянные сосудики для благовоний, красивые бронзовые ручки гидрий. Варвары стали разводить на древних мраморных плитах свои костры. На бесценных амфорах Фасоса и Родоса они выцарапывали свастику и похабные слова.

Варварство фашистов делало старого ученого бесстрашным. Он кричал на немецких командиров, требуя унять солдат. Увидев в руках солдата музейную вещь, он шел прямо на него, хватал за руки грабителя и буквально вырывал ее у ошарашенного от неожиданности немца.



Академик Н. М. Никольский.

— Герр! — восклицал он. — Ведь это не ваше, это принадлежит нашему народу. Это — музейное, это археология!

Гитлеровцы изумлялись настойчивости старика, считали его за чудака и маниака.

Однажды Тахтай обнаружил у гитлеровцев два ящика с надписями: «Покорителю Крыма барону фон-Манштейну», — предназначенные к отправке. В одном из них находилась плита II—III веков нашей эры с грифоном, в другом — мраморная капитель колонны IV века до нашей эры с изображением аканфа. Накануне упаковки драгоценности бесследно исчезли. Их решительно и бесстрашно спрятал Тахтай.

А в это время на фронтах шли ожесточенные бои. Советская Армия перешла в наступление и перемалывала дивизии противника всё ближе.

Далеко простиралась Киммерийская пустыня, выжженная солнцем. Угрюмые волны скал нависали над пропастью. Сквозь камень скудно

пробивалась трава. Синие тени залегали в ущельях. Было нечто первобытное в этом мире.

Но внизу простирался город. В призрачном мареве жаркого дня дрожали опоясывающие его стены с башнями генуэзских времен.

Немцы, пришедшие в Феодосию, требовали «яйки», совали окурки в пасти мраморных львов и дико ржали. Они потешались над смешным стариком в ветхом суконном картузе. Старик упорно не давал тащить из музея каменные плиты с греческими письменами эпохи Митридата Евпатора. Эти плиты гитлеровцы намеревались использовать для устройства амбразур.

По музею шагал круглый розовый человечек в очках и фетровой шляпе. Он называл себя профессором при штабе Розенберга и, тыча коротким пальцем мясника в картины и статуи, изрекал хрипло:

— Конфисковать!

На другой день к Археологическому музею Феодосии и примыкающему к нему Дому-музею Айвазовского подкатил грузовик.

Старики — семидесятидвухлетний камердинер Айвазовского Фома Игнатьевич Дорменко и его ровесник, экскурсовод археологического музея Петр Валерьянович Данилов — приготовились к этому визиту. Всю ночь, при тусклом свете каганца, они торопливо упаковывали, зарывали в землю, прятали в потаенных местах подвалов и чердаков, среди всякой рухляди, всё, что было поценнее и что было под силу спрятать им, старикам. К рассвету они замуровали даже поруганных генуэзских львов, обложив их камнями и обмазав глиной.

Прибывший молодой офицер по-русски говорил кое-как.

— Я сам художник! Я что-нибудь понимаю! — восклицал он, разглядывая в кулак картину «Тавроскифия» Богаевского, ее нежные облака и голубые дали. — О, то есть посредственность, — делал он заключение.

Данилов облегченно вздохнул. Фашиста привлекали только натюрморты. Это было понятно: он был сыном оптового торговца фруктами.

**

*

Чуть не был увезен в Германию знаменитый Таманский саркофаг.

Он был найден еще в 1916 году казаками-кладоискателями в разрытом ими кургане близ станицы Таманской, на Кубани. Когда к месту находки явились археологи, они были потрясены. Перед ними был огромный полихромный саркофаг греческой работы со следами розовой окраски и позолоты на орнаменте. Таких замечательных памятников древнегреческого искусства мировая наука знала не много. Установили, что в саркофаге был похоронен какой-то скифский царь и что саркофаг, сделанный из целой глыбы мрамора, был, повидимому, изготовлен по заказу в Аттике в IV или III веке до нашей эры.

С громадными трудностями летом того же 1916 года доставили саркофаг в Тамань; его везли 18 пар лошадей на сани. Саркофаг остался в Тамани, в местном музее. Но им интересовался весь мир. О саркофаге



**Мраморная плита с изображением грифона (Херсонес II—III века нашей эры).
Найдена в раннехристианском храме. Использовалась как плита пола. В дни
оккупации Крыма в числе других памятников ее спрятал от немцев А. К. Тахтай.**

было написано множество исследований во всех странах. Он так и вошел в науку под названием Таманского саркофага.

Когда в 1942 году в Тамани появились немцы, они тотчас же перевезли саркофаг в Керчь и стали готовить его к отправке в Берлин. Однако на фронтах начались неудачи. О саркофаге забыли, а позднее не постеснялись превратить его в кладовую для бидонов с тавотом. Затем этим саркофагом завалили вход в склеп, служивший фашистам бомбоубежищем. При отступлении гитлеровцы его взорвали. К счастью, пострадала только огромная крышка саркофага, имеющая форму двускатной крыши греческого храма: от нее остались лишь сотни кусков. В тот же день немцы бросили гранату и в склеп Деметры.

Московские железнодорожники приходили в смущение. В накладной значился металлический гроб с покойником, а в вагоне оказался мраморный гроб без покойника. Железнодорожными правилами не был предусмотрен перевоз грандиозной каменной гробницы, и кассирша Керченского товарного вокзала оформила документы в привычных выражениях.

Прибывшая в освобожденную Керчь правительственная комиссия тотчас же позаботилась, чтобы таманский саркофаг и все части его взорванной крышки были доставлены в Москву. Это трудное и хлопотное дело поручили молодому археологу Наталии Пятыевой. Советская Армия, которая освободила Керчь и Тамань и спасла для советской культуры ценнейший памятник, предоставила краны и автомашины, погрузила саркофаг в вагон.

Саркофаг — в Историческом музее Москвы. Электролебедки водрузили его в самом центре Античного зала. Археологи и химики, художники, скульпторы и реставраторы принялись за работу. Мылом и спиртом отмывали мрамор от копоти, сажи. Приступили к монтажу крышки. Отсортировали сотни кусков, стали собирать их в особых зажимах, склеивать альбумином, ставить на каркас. Те места, которые пропали, восполнялись художниками-реставраторами. Таманский саркофаг снова вошел в научный и музейный обиход.

Советская страна переходила на рельсы мирного строительства.

Снова заняли свои места картины и скульптуры в Феодосийском музее. Двери широко распахнулись для посетителей. Солдаты и офицеры Советской Армии, моряки-черноморцы, экскурсанты вновь появились в прохладных залах, наполненных старинными памятниками, спасенными самоотверженностью советских людей.

Старший научный сотрудник Эрмитажа М. М. Худяк спускался в склеп Деметры в Керчи. Немецкая граната сильно испортила роспись. Стены грозили обвалом. Ученый в негодовании сжал кулаки: в стенах, в ценнейших росписях, торчали вколоченные гвозди. Немцы использовали склеп как бомбоубежище и развешивали по стенам свои вшивые шинели. Некоторые фрески носили следы попыток вылома: немцы хотели их увезти.

Из Ленинграда и Москвы в Керчь срочно выехали бригады ученых-реставраторов.

Потянулись домой мраморы и картины Эрмитажа. 3 октября 1943 года их начали отгружать из Свердловска, а 11 октября первый ящик уже был внесен в родные стены здания на Дворцовой набережной Ленинграда. Вновь залы музея заполнились стружкой и досками, вновь застучали молотки. В канун 28-й годовщины Великого Октября директор Эрмитажа академик И. А. Орбели перерезал ленту. Хлынули научные работники, студенты, рабочие, бойцы, школьники с ленточками медали



Старший научный сотрудник Херсонеса А. К. Тахтай

«За оборону Ленинграда» в залы, без которых нельзя представить себе Ленинград. А через год экспедиция Эрмитажа возобновила археологические раскопки на городище Нимфея под Керчью.

Хлопочет в Минске Н. М. Никольский. В светлых аудиториях вновь отстроенного университетского городка можно часто видеть седоватого старика с поблескивающими стеклами очков. Своим глуховатым голосом он расскажет вам о тех замечательных научных открытиях, прийти к которым ему помогли многие его же студенты, на груди которых — медали «Партизану Отечественной войны». Они поддержали его в немецкой неволе, они чутко оберегали его в дни трудной партизанской жизни.

Он покажет вам планы восстановления университетского историко-археологического музея. В нем попрежнему будет отдел древнего Востока, отдел Античного мира, отдел греческих причерноморских колоний, отдел белорусской археологии. В организации музея принимает участие инвалид Отечественной войны, орденосец, защитник Крыма, выпускник Минского университета Иван Сапего, автор интересной работы о скифо-херсонесской войне II века до нашей эры. Накануне Великой Отечественной войны ученый совет Херсонеса дал этой работе высокую оценку.

И древний Херсонес тоже... восстанавливается! Это значит: его директор И. Д. Максименко, главный археолог С. Ф. Стржеллецкий, научные сотрудники А. К. Тахтай и Ю. Ю. Марти придают развалинам их прежний вид—вид развалин: они разбирают бомбовые укрытия, сделанные из обломков колонн византийских базилик, они вновь возвращают камням значение древних камней, дорогих всему советскому народу, всему культурному человечеству.

Над синими водами древнего Понта, советского Черного моря, гремит матросская песня:

**Друзья-моряки подобрали героя,
Кипела вода штормовая...
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
„Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес, —
И там, чтоб, вдали
От крымской земли,
О ней мы забыть не могли”.**

По городищу бродит младое племя новых херсонеситов — аспирантов и студентов Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы. С севастопольскими школьниками беседуют ленинградские гости — археолог Эрмитажа Г. Д. Белов, писательница Ольга Берггольц.

А на древней вершине горы Митридата в Керчи, в центре акрополя античного Пантикапея, у легендарного кресла Митридата ныне высится, ослепительный на южном солнце, белый обелиск, видимый далеко из пролива. Это — памятник героям-освободителям Керчи, памятник бойцам Со-

ветской Армии и Флота, бойцам армии, выполнившей свою миссию спасения мировой культуры от фашистского варварства.

Гордого духа советского народа ни убить, ни покорить нельзя.

И такие ли уж чудачки эти археологи, спасавшие от врага невзрачные черепки керамики, обломки мрамора? Советские ученые были на своем посту. Они не изменили своему народу, они вместе с народом не дрогнули перед коварным врагом. Всё, доверенное им народом, они сберегли для народа.

*Ленинград, Белоруссия,
Крым, 1937-1947 гг.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение. ХРАНИТЕЛИ И ЗАЩИТНИКИ	3
1. „ВООБРАЖЕНЬЮ КРАЙ СВЯЩЕННЫЙ“	
В мире легенд	13
От сказок — к истории	16
Путешествие поэта	17
II. ГОРОДА ПОД ЗЕМЛЕЙ	
Чудак с горы Митридата	20
Радости и горести археолога	22
В кургане	25
„Склад местных древностей“	27
По археологическим заповедникам	28
Подводная археология	34
III. ИЗ НЕБЫТИЯ ВЕКОВ	
Воскресший Херсонес	38
Образы Скифии	47
Боспорское царство	54
Восстание Савмака	58
Против „Великого Рима“	63
Заключение. СПАСЕНО ДЛЯ НАРОДА	76

Обложка художника И. З. Копеляна
Редактор И. Т. Филиппов
Техн. редактор Л. Г. Левоневская
Корректор О. М. Лаушкия

Подписано к печати 5 августа 1948 г.
Формат бумаги 70 X 93/ш. Объем 5 1/2 п. л.
Уч. изд. л. 5.48. Колич. тип. зн. в 1 п. л. 45.880
Тираж 10.000. Изд. № "9". М-21001 зак. 4 174.
Цена 4 р. 50 к.

Типография им. Володарского